

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ,
ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 3
ББК 6/8
А 43

А 43 «Актуальные вопросы социологии, политологии, философии и истории»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (22 августа 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 110 с.

ISBN 978-5-4379-0119-9

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы социологии, политологии, философии и истории» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ISBN 978-5-4379-0119-9

ББК 6/8

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История и теория политики	6
БЕСПРЕЦЕДЕНТЕН ЛИ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА? Прошин Денис Владимирович	6
1.2. Мировая политика	14
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В К. XX — НАЧ. XXI ВВ.) Лебедь Ирина Геннадьевна	14
1.3. Политический менеджмент	25
ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПАРТИЙНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Куликова Юлия Павловна	25
Секция 2. Социология	29
2.1. Социология управления	29
ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ Рыцев Александр Иванович	29
2.2. Социология личности	33
ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА Лапин Николай Сергеевич	33
2.3. Социология международных отношений	38
ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ДЛЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РФ Галкин Георгий Дмитриевич	38

Секция 3. Философия	42
3.1. Социальная философия	42
ИММАНЕНТНАЯ ЭТИКА: ТИПОВЫЕ ПОДХОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ Железнов Андрей Сергеевич	42
РЕКЛАМА КАК ГЕНЕРАТОР ФАНТАЗМОВ В «ДАР» ОТ «ОБЩЕСТВА ПОСТИДЕОЛОГИИ» Жигунина Лира Владимировна	52
АКСИОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Набиуллина Флюза Рамазановна	56
СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЙ Тухбатова Аделия Юрисовна	61
3.2. Онтология и теория познания	66
К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА, МЫШЛЕНИЯ И СОЗНАНИЯ Кормочи Елена Александровна	66
3.3. Философские проблемы образования	74
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.А. БОГДАНОВА Бабкова Оксана Михайловна	74
Секция 4. История	79
4.1. История России	79
ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв. Инчин Артем Геннадьевич	79
ДИРЕКТОРСКИЙ КОРПУС ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА Кочурина Светлана Анатольевна	83
ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ НЭПА (НА ПРИМЕРЕ БАССР) Павлова Любовь Анатольевна	90

4.2. Этнология	94
ОТРАЖЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ФОЛЬКЛОРЕ И В ЖИЗНИ НАРОДА МАНСИ (ВОГУЛОВ) Кумаева Мария Владимировна	94
4.3. Археология	98
МИКРОЧАСТИЦЫ МЕТАЛЛОВ НА ОБРАЗЦЕ КВАРЦИТОВОГО САРКОФАГА ИЗ КОМПЛЕКСА ПИРАМИДЫ АМЕНЕМХЕТА II В ДАШУРЕ (Египет). Горлова Юлия Владимировна	98
4.4. История науки и техники	104
ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ КРЕКИНГ-УСТАНОВОК В РАЙОНАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ Ахмадова Хава Хамидовна Сыркин Алик Михайлович Идрисова Элиза Усамовна	104

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

БЕСПРЕЦЕДЕНТЕН ЛИ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА?

Прошин Денис Владимирович

*канд. ист. наук, доцент Днепропетровского университета
им. Альфреда Нобеля, г. Днепропетровск, Украина
E-mail: bishop.74@mail.ru*

Выступать с утверждением, что оценки характера и масштабов террористической опасности в современном мире зачастую сильно искажены, завышены, значит идти против прочно сложившихся представлений о текущем моменте как о времени беспрецедентного всплеска террористической активности (главным образом, в форме исламистского экстремизма). Особое место в подобных рассуждениях занимают события 11 сентября 2001 г. — массированная атака на «единственную сверхдержаву мира». Многие увидели в этой атаке своеобразный исторический водораздел. Терроризм, который, несмотря на вызываемые им жертвы и разрушения, расценивался как суррогатное «оружие слабых», драматическим образом вторгся в самую сердцевину международной политики.

11 сентября, явившееся высшей точкой нараставшей долгие годы волны исламистского экстремизма, а также последовавшие за этим события (неоднозначно оцениваемые операции американских войск в Афганистане и Ираке, разрушительные теракты на острове Бали, в Мадриде, Лондоне и т. д.), по мнению многих, свидетельствуют о том, что в лице международного исламистского терроризма современный мир действительно столкнулся с проблемой ранее не виданного масштаба. В качестве причин её возникновения называют коренные изменения в международной обстановке после окончания «холодной войны» и распада Советского Союза, размораживание старых и

появление новых «межцивилизационных» конфликтов, занявших место советско-американского идеологического противостояния и подпитываемых стремительной глобализацией, разрушающей вековые опоры этнокультурной идентичности.

В целом правильное понимание предпосылок начала нового этапа террористического насилия сочетается здесь с искажённым видением собственно специфики этого этапа. В качестве одной из причин такого искажения может быть назван легко объяснимый эффект «абберрации близости». Террористические атаки последних лет — действительно шокирующие и благодаря масс-медиа происходящие без малого у нас на глазах — кажутся масштабнее и трагичнее тех катастроф, что были делом рук террористов, действовавших несколько десятилетий назад. Подобная абберрация если и не совершенно безвредна, то по крайней мере естественна. Но искажённая трактовка современных проявлений терроризма нередко бывает и искусственной, практически преднамеренной. Можно упомянуть сгущение красок пропагандой, обеспечивающей поддержку проводимой государством политики (например, эксцессы информационно-пропагандистского сопровождения инициированной президентом Бушем «войны с террором»); или действия СМИ, в собственных корпоративных интересах разжигающих ажиотаж вокруг темы террористической угрозы; или даже попытки отдельных авторов сообщить предмету своих исследований дополнительную значимость [1; 2; 4].

Сказанное не означает, что современный этап террористической деятельности не демонстрирует целого ряда тревожных тенденций. Но, будучи помещены в широкий исторический контекст, события и процессы последних лет утрачивают нередко придаваемый им ореол исключительности и апокалиптической сенсационности. Проведение такого ретроспективного анализа и представляет собой цель данной статьи. Несмотря на то, что только за последние годы рассмотрению феномена терроризма в самых разных аспектах было посвящено множество работ [5; 6; 9; 10; 11; 13; 14], эта ретроспектива, вносящая в обсуждение проблемы ноту сдержанности, не кажется излишней.

Главным проявлением якобы беспрецедентной природы современного исламистского терроризма традиционно называют его глобальный размах и организованность. Напоминают, что религиозные фанатики-джихадисты, являющиеся носителями предельно упрощённого чёрно-белого мировоззрения, делящего весь мир на «правверных» и «неверных», готовы вести борьбу со всяким, в ком усматривается «враг ислама». В 1990-2000-х гг. они нанесли свои удары в Нью-Йорке и Найроби, в Лондоне и на Северном Кавказе, в Мадриде и Самаре, в Адене и на Бали. Снова и снова подчёркивается,

что джихадистские группировки, их базы, «ячейки», центры экстремистской пропаганды и прочая инфраструктура одновременно охватывают множество стран на разных континентах.

Действительно, географический охват исламистского терроризма производит гнетущее впечатление, а уровень интеграции различных элементов тут завышен не столь сильно, как это было в истории с мифическим всемирным заговором анархистов в конце XIX — начале XX в. И всё же нет оснований говорить о некой глобальной террористической кампании, направляемой «Аль-Каидой» или какой бы то ни было иной организацией или даже чётко структурированным конгломератом организаций. Отношения между различными очагами джихадизма проходят всю гамму возможных вариантов — от скоординированных акций, через несистематические контакты, до косвенного идейного влияния, оказываемого исламистскими проповедниками на будущих или уже действующих террористов. К примеру, самоубийственные теракты в Лондоне в 2005 г. (56 убитых, 784 раненых) были спланированы и осуществлены людьми, не входившими ни в одну из исламистских террористических группировок.

Точнее всего было бы вести речь об общем радикально-исламистском импульсе, приводящем в движение различные группировки и отдельных террористов. Таким же образом на рубеже XIX-XX вв. болезненные процессы развития буржуазного общества дали толчок к началу анархистского террора — никем не направляемого и тем не менее оказавшегося достаточно масштабным, чтобы дать пищу для конспирологических гипотез. И точно таким же образом в послевоенном мире мощные социально-политические импульсы вызвали к жизни многочисленные леворадикальные террористические группировки на Западе и группировки палестинских террористов на Ближнем Востоке.

Сам географический размах исламистского террора также нельзя квалифицировать как нечто никогда ранее не наблюдавшееся. Анархистским террором, задолго до открытия первой международной авиалинии, были охвачены Франция, Италия, Испания, Германия, Австро-Венгрия, США, Аргентина. Удары европейских левацких группировок и палестинских боевиков (в отдельных случаях совместно спланированные и осуществлённые) в 1960-1980-х гг. ощущались в таких отдалённых друг от друга местах, как Лондон и израильский Лод, Стокгольм и Могадишо, Мюнхен и аэропорт Энтеббе в нескольких километрах от угандийской столицы Кампалы.

В рядах современных исламистов наряду с представителями арабских народов действуют выходцы из Бангладеш и с Кавказа, граждане Индонезии, дети эмигрировавших в Великобританию

пакистанцев и принявшие ислам коренные европейцы. Но столь же широкой была и орбита всё того же левацкого терроризма прошлых десятилетий, в которую были вовлечены немцы и уругвайцы, итальянцы и бразильцы, французы и американцы, аргентинцы и японцы («Японская Красная армия» проводила свои операции в тесном взаимодействии с палестинскими террористами).

Безусловно, значительно больший процент террористов прежних поколений оставался в ареалах локальных политических конфликтов, ведя борьбу со своими правительствами и не сливаясь в интернациональный «пул» профессиональных боевиков, в послужном списке многих из которых сегодня — Афганистан, Босния, Абхазия, Чечня, Ирак. Однако то, что раньше боевики реже перемещались по запутанным траекториям международного терроризма, не сделало их послужной список менее мрачным, примером чего могут стать «Красные бригады», многолетние кровавые бесчинства которых на внутриитальянской политической арене в 1970—1980-х гг. подвели Италию вплотную к состоянию хаоса.

Ещё одной особенностью современного терроризма, якобы делающей его вызов беспрецедентным, называют имеющуюся у джихадистов возможность поставить себе на службу весь арсенал новейших средств коммуникации — от мобильных телефонов до спутникового телевидения и Интернета, — что делает их влияние ощутимым в любой точке земного шара.

Абсурдным было бы отрицать как наличие у современных террористов подобной возможности, так и их стремление максимально широко её использовать. Самими членами «Аль-Каиды» отмечалось, что убитый в 2011 г. «террорист № 1» Усама бин Ладен испытывал «болезненное влечение к появлению на экране, к фотовспышкам, к аплодисментам поклонников» (здесь и далее перевод мой. — Д. П.) [12, р. 5]. Айману аз-Завахири, «правой руке» бин Ладена, принадлежат слова: «Эта битва [джихад] наполовину ведётся на полях масс-медиа» [Ibid.]. Масс-медиа же, преследующие свои собственные цели, охотно «подыгрывают» террористам. Настолько охотно, что есть основания вести речь о некоем — разумеется, косвенном — «симбиозе» СМИ и террористических организаций: террористы получают канал распространения информации, а СМИ — высокие рейтинги всякий раз, когда появляются новости об очередном крупном теракте. Одновременно действует и канал Интернета, обеспечивающий джихадистам уже прямой, никем не опосредствованный доступ к мировой аудитории. Быть может, судя по опыту Китая или Сингапура, контролировать Сеть несколько проще, чем, как выразился президент Клинтон, «прибивать желе к стене». Но далеко не все страны могут

применить авторитарный восточный опыт, что оставляет открытой, возможно, главную информационную магистраль современного экстремизма, перекачивающую гигабайты проповедей, видеозаписей с мест терактов, инструкций по изготовлению бомб и т. п.

Тем не менее не стоит преувеличивать, рассуждая если не об уникальной информационной вооружённости, то во всяком случае об уникальной информационной вездесущности современного терроризма. Уже в конце XIX — начале XX в. государственные власти в Старом и Новом Свете столкнулись с проблемой широкой «популяризации» радикально-анархистских идей в печатных изданиях — как в нелегальных, так и в законно публикуемых. «Симбиоз» террористических организаций и СМИ начал складываться не вчера. И неудивительно, что Маргарет Тэтчер была отнюдь не первой, кто заговорил о том, что журналисты снабжают терроризм «кислородом общественного внимания» [8, р. 115]. Ещё в эпоху анархистской «пропаганды делами» (т. е. терактами) французские депутаты подняли вопрос о запрете репортажей о судебных процессах по делам анархистов.

Проблема, разумеется, стала на порядок острее с появлением телевидения и спутников связи, что, однако, тоже произошло не вчера. Первый теракт, с самого начала рассчитанный на то, чтобы как можно полнее использовать потенциал глобального телевидения, был осуществлён ровно за двадцать девять лет до обрушения нью-йоркских башен-близнецов. За судьбой захваченных в Мюнхене израильских спортсменов в прямом эфире следили 800 миллионов человек. Кстати сказать, и слова Тэтчер о необходимости лишить террористов «кислорода общественного внимания» прозвучали за три года до образования «Аль-Каиды», когда бин Ладен был ещё всего лишь средней руки главарём арабских моджахедов, воевавших в Афганистане.

И вдобавок к сказанному, далеко не однозначно уже само соотношение различных информационных каналов в обеспечении целей современных джихадистов, поскольку параллельно с новейшими технологиями здесь находят широкое применение самые простые, традиционные каналы коммуникации. Исламский терроризм «эндемичен» для тех регионов — и в целом для той культурной среды, — где важнейшую роль по-прежнему играет устное слово: проповедь в мечети, наставление в медресе, молва, циркулирующая на восточном базаре. Во многих случаях исламистские идеи распространяются, и весьма эффективно, теми и в среде тех, кто вообще не в состоянии воспользоваться современными информационными технологиями (по той причине, что в обстановке военного хаоса или хронической нищеты современная информационная инфраструктура просто не может существовать).

Неразумно отрицать наличие серьёзных проблем, возникших в связи с попаданием передовых технологий в руки фанатиков-джихадистов. Но вместе с тем вряд ли можно с полным на то основанием говорить о том, что терроризм стал на порядок сильнее и опаснее после того, как у него появилось новое — электронное — измерение. Не следует забывать, что его влияние даже в мире спутников и Интернета в немалой степени проистекает из тех же источников, которые подпитывали панический страх перед средневековыми ближневосточными ассасинами.

Наконец, третье, в чём, как неоднократно и с особой настойчивостью подчёркивается, проявляется экстраординарный характер современного терроризма, — это его чрезвычайная жестокость, абсолютная неразборчивость в выборе целей. Тут мы, несомненно, касаемся весьма болезненной темы. Подходя со сравнительной меркой к вопросу о жертвах терроризма, мы рискуем сами в чём-то уподобиться террористам, проводящим циничные калькуляции вроде той, что была проделана алжирским боевиком, в 1950-х гг. утверждавшим, что для привлечения внимания один убитый «в пиджаке» (т. е. гражданский) лучше, чем двадцать убитых в военной форме [6, р. 121]. Но, осознавая этот риск, для пользы дела необходимо всё же провести некоторые очень осторожные сравнения.

Нужно напомнить о том, что с идейной точки зрения современные террористы ничуть не кровожаднее или циничнее своих — даже весьма отдалённых — предшественников. Так, в 1848 г. немецкий радикал Карл Хайнцен призывал, забыв об угрызениях совести, «разрушить полконтинента и пролить море крови» во имя революции [9, р. 26]. В 1869 г. Сергей Нечаев главной целью революционера (читай террориста) называл «страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение» [3]. Иногда приходится слышать, что террористы XIX — начала XX в. обнаруживали большее «благородство» в выборе своих целей, чем их сегодняшние собратья. За вычетом отдельных случаев это едва ли соответствует действительности. Если до определённого момента адептов Хайнцена и Нечаева сдерживало отсутствие достаточно мощных средств разрушения, то появление динамита — «пролетарской артиллерии» — устранило это препятствие (а вместе с ним, возможно, и остававшиеся ещё у некоторых последние моральные колебания). В 1894 г. в парижском кафе анархист Эмиль Анри совершил первый теракт, нацеленный не против представителей власти, а против случайных граждан. На суде он заявил, что невинных буржуа не существует, наметив линию на дегуманизацию жертв, которую продолжают и немецкая террористка Ульрика Майнхоф, в 1970 г. отказавшая в праве

считаться человеком всякому, кто носит полицейскую форму, и организаторы теракта на Бали в 2002 г., видевшие в своих жертвах — туристах из Европы, Америки и Австралии — не людей, а «белое мясо» [7, р. 105; 6, р. 462].

Бомбой Анри в кафе «Герминус» был убит один человек и ранено двадцать. Число жертв многих последующих терактов — задолго до ударов по Всемирному торговому центру или взрывов на севере Ирака в 2007 г. (796 убитых) — нередко достигало нескольких десятков и даже сотен человек. Более того, шок, вызываемый крупномасштабными терактами, бесспорно, отличающимися исламистский террор, не должен мешать пониманию того, что единичные политические убийства или даже менее тяжкие акты насилия, происходящие, однако, с изматывающей регулярностью (2513 преступлений «Красных бригад» в одном только 1979 г.), в долгосрочной перспективе могут оказаться не менее, если не более разрушительными для общества, чем ошеломляющие единичные террористические атаки.

Дальнейший анализ рассмотренных вопросов или обращение к новым вывели бы нас уже за узкие статейные рамки. Думается, сказанного достаточно, чтобы в заключение ещё раз, и уже более решительно, выразить мысль, послужившую стимулом к написанию данной работы: при всём том, что современный терроризм, преимущественно в исламистском обличье, представляет собой чрезвычайную опасность, эта опасность не должна расцениваться как что-то беспрецедентное. Крайности — благодушие и самоуспокоенность, с одной стороны, и нагнетание атмосферы, с другой — могут одинаково препятствовать разработке действенной системы защиты от террористической угрозы.

В противодействии терроризму по-своему важны как силовые, «жесткие», так и интеллектуальные, «мягкие» средства. Последние, в частности, призваны обеспечить ясность картины происходящего, помочь в понимании предпосылок возникновения угрозы, её характера, истинного масштаба. Борьба с современным терроризмом, естественно, требует новых подходов и решений. В то же самое время вписывание нового этапа террористического насилия в исторический контекст, прослеживание параллелей между ним и более ранними этапами позволяет извлекать уроки из успехов и неудач прошлого. А также — и это тоже следует считать одним из наиболее важных результатов — со спокойной уверенностью оценивать свои шансы на успех в очередном поединке со старым противником, который пусть и приобрёл новые формы и возможности, но тем не менее остаётся уязвимым, как и его исторические предшественники.

Список литературы:

1. Жалыбин С. В. Юридическая институционализация современной российской антитеррористической политики. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук — Ростов-н.-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2006. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii-yuridicheskie/a385.php>
2. Насер Али Салех Ахмад. Проблема терроризма в странах Ближнего Востока (на примере Йемена и Египта). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.dissercat.com/content/problema-terrorizma-v-stranakh-blichnego-vostoka-na-primere-iemena-i-egipta>
3. Нечаев С. Г. Катехизис революционера. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/nechaev.htm>
4. Политов С. И. Современный международный терроризм как угроза национальной безопасности России. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата политических наук — М.: Институт социально-политических исследований Российской Академии наук, 2006. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.dissercat.com/content/sovremennyi-mezhdunarodnyi-terrorizm-kak-ugroza-natsionalnoi-bezopasnosti-rossii>
5. Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри — М.: Ультра.Культура, 2003. 264 с.
6. Burleigh M. Blood and Rage: A Cultural History of Terrorism — N. Y.: Harper Collins Publishers, 2009. 577 p.
7. Colvin S. Ulrike Meinhof and West German Terrorism — Rochester, N. Y.: Camden House, 2009. 265 p.
8. Edgerton G. Quelling the «Oxygen of Publicity»: British Broadcasting and the «Troubles» during the Thatcher Years // The Journal of Popular Culture. 1996. Vol. 30. Issue 1. P. 115—132.
9. Laqueur W.A History of Terrorism — New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2002. 277 p.
10. Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind; ed. by W. Reich — Wash., D. C.: Woodrow Wilson Center Press, 1998. 289 p.
11. Terror and the Arts; ed. by M. Hyvarinen and L. Muszinsky — N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008. 252 p.
12. Terrorism and the Media. — Transnational Terrorism, Security and the Rule of Law — A project financed by the European Commission under the Sixth Framework Programme, July 23, 2008. — 94 p.
13. Terrorism's Unanswered Questions; ed. by A. Lowther and B. Lindsay — Westport, CT, 2009. 239 p.
14. Whittaker D. Terrorism: Understanding the Global Threat — London: Pearson Education Limited, 2002. 213 p.

1.2. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В К. XX — НАЧ. XXI ВВ.)

Лебедь Ирина Геннадьевна

*аспирант кафедры всемирной истории ДонНУ, г. Донецк, Украина
E-mail: edelveis824@mail.ru*

В к. XX — нач. XXI в. экологическая составляющая становится неотъемлемой частью мировой политики, поскольку проблемы загрязнения природы ставят под вопрос развитие всей земной цивилизации. Во-первых, неблагоприятное состояние окружающей среды способно вызвать ряд заболеваний и, в целом, приводит к сокращению средней продолжительности жизни людей. Во-вторых, экологические проблемы нередко связаны с международными военными преступлениями и могут выступать средством ведения войны. В-третьих, природа и климат являются «геополитическими факторами и детерминантами силы и благополучия государства» [16, р. 49].

Связь безопасности государства с окружающей средой прослеживается в сокращении жизненно важных природных ресурсов, увеличении вероятности катастроф и конфликтов, которые имеют последствием усиление миграции и потока беженцев, подрыв экономики. Очевидно, что на национальном и даже региональном уровне государства сами не могут решить данные проблемы, поэтому актуальным для безопасности европейского континента и мира в целом представляется сотрудничество Российской Федерации (далее — РФ) и Европейского Союза (далее — ЕС) в сфере экологической безопасности.

Детально рассмотреть взаимодействие сторон позволяет обширная источниковая база — международные конвенции и соглашения в экологической сфере, декларации, доктрины, иные

программные документы национальных и региональных политических институтов, статистические отчеты.

Обсуждение экологической проблематики в научной и политической литературе началось одновременно с обострением глобальных проблем современности на рубеже 1960—70-х гг. А. Вавилов утверждает, что позиция Запада относительно термина «экологическая безопасность» была резко негативной: в Европе опасались, что поддержка концепции, содержащей термин «безопасность», может означать одобрение линии СССР на разоружение и создание системы коллективной безопасности [1, с. 86]. К концу 80-х гг. XX в. отношение Запада к проблеме стало более благосклонным.

В отечественном лексиконе понятие «экологическая безопасность» появилось в 1987 г., когда М. Горбачев в статье «Реальность и гарантия безопасного мира» выдвинул идею «глобальной стратегии охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов» [2, с. 2]. Термин «экологическая безопасность» вызвал серьезную дискуссию среди таких исследователей, как М. Бринчук, О. Колбасов, А. Кукушкина, А. Тимошенко, которые трактуют ее как систему мер по защите окружающей среды от угроз. Наиболее полной, на наш взгляд, можно считать дефиницию А. Костина, который под экологической безопасностью понимает процесс обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, природы, общества и государства от реальных и потенциальных угроз, создаваемых антропогенным или естественным воздействием на окружающую среду [6, с. 250].

На рубеже веков экологические аспекты международной безопасности стали предметом исследования многих зарубежных и отечественных ученых. Их основное внимание было сосредоточено на классификации угроз окружающей среде, о чем свидетельствуют работы Э. Дж. Кирк, Р. О. Козна, Е. Кочетковой. Достаточно полно разработана тема правовой основы международного сотрудничества и роли международных конференций в данной сфере (И. Ашихмин, М. Искандеров, А. Мегераммов, В. Морозова, М. Павлова).

На наш взгляд, требуют более глубокого исследования практические стороны взаимодействия акторов международных отношений в сфере экологической безопасности. Так, А. Вавилов, С. Гупта, А.М. Зброджиа, С. Синчанский, М. Юлкин акцентируют внимание на роли развитых государств в принятии и реализации Рамочной конвенции ООН по изменению климата (далее — РКИК ООН), Киотского протокола и других конвенций. Учеными почти не рассматриваются экологические программы, за исключением

российского исследователя А. Гусева, который приводит примеры конкретных проектов российско-европейского сотрудничества в экологической сфере [3].

Цель сообщения — анализ и оценка экологических аспектов международной безопасности на примере сотрудничества РФ и ЕС в к. XX — нач. XXI вв.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задания: проанализировать роль экологических аспектов в обеспечении международной безопасности; дать характеристику природоохранному законодательству и мировой практике борьбы с угрозами мировой стабильности; рассмотреть основные направления взаимодействия РФ и ЕС в сфере экологической безопасности; дать оценку сотрудничеству сторон и его перспективам.

Основным механизмом сотрудничества по вопросам экологической безопасности являются конференции, на которых создаются условия для обмена мнениями, обсуждения интересов сторон, формируются правовые средства обеспечения экологической безопасности — система универсальных договоров и региональных соглашений. Условно можно выделить три этапа развития системы международного экологического законодательства.

I этап (к. 1960-х — 1970-е гг.) — становление системы международного сотрудничества, толчком к которому стал доклад Римского клуба «Пределы роста», подготовленный международным коллективом авторов во главе с Д. Медоузом в 1972 г. Начало развитию системы национальных природоохранных структур и законодательства, финансированию экологических мероприятий, становлению глобальной программы оценки окружающей среды положила Первая конференция ООН по проблемам окружающей среды, которая проходила в 1972 г. в Стокгольме.

II этап (1980—90-е гг.) — появление новых аспектов экологической безопасности, которые повлекли за собой подписание ряда конвенций. Созданная в 1983 г. Международная Комиссия по окружающей среде и развитию подготовила в 1987 г. доклад «Наше общее будущее», что положило начало концепции устойчивого развития (англ. «sustainable development») — развития, обеспечивающего потребности нынешнего поколения без необратимых изменений и угроз для существования будущих поколений [7, с. 350]. Решающее значение для формирования данной концепции имела Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., на которой были согласованы и приняты «Повестка дня на XXI век», «Декларация по окружающей

среде и развитию», РКИК ООН, Конвенция о биологическом разнообразии, «Принципы лесоводства».

III этап (1997—2012) — реализация устойчивого развития и кооперирование государств. Решающую роль в данном процессе сыграл Киотский протокол [4], подписанный в 1997 г. и ратифицированный 192 странами. На Конференции в Йоханнесбурге (2002 г.) главы государств и правительств договорились о серии конкретных обязательств и действий в области водоснабжения, энергетики, сельского хозяйства, сохранения биоразнообразия.

Отметим, что на данном этапе сложилась система органов, специализирующихся в области экологической безопасности, но координация в рамках ООН осложнена. На наш взгляд, весьма перспективным является региональное сотрудничество в сфере экологической безопасности, в частности РФ и ЕС, т.к. перед сторонами стоит ряд общих проблем, требующих совместных действий: изменение климата, истощение озонового слоя Земли, загрязнение питьевой воды и атмосферного воздуха, истощение ресурсов, потеря природных экосистем, снижение биоразнообразия, загрязнение Балтийского, Баренцева, Каспийского и Черного морей [14, р. 30—32, 48—52].

Отношения сторон в экологической сфере основаны на довольно широкой правовой базе. Законодательство условно можно разделить на три подгруппы.

1. Международные конвенции и соглашения, посвященные экологическим проблемам (Декларация Рио, РКИК ООН, Киотский протокол и т. д.), в которых участвуют обе стороны.

2. Двусторонние соглашения РФ и ЕС. Основа экологического сотрудничества была заложена «Соглашением о партнерстве и сотрудничестве» 1994 г. [12] и «Коллективная стратегия в отношении стран, не являющихся членами ЕС» 1999 г. [15]. Сотрудничество в области охраны окружающей среды между Россией и ЕС входит в раздел 6 «Общего экономического пространства» 2004 г. [18] и регулируется «Положением о формировании Диалога по окружающей среде» [10], подписанным в 2006 г. в г. Хельсинки.

3. Европейское и российское экологическое законодательство.

Цели экологической политики ЕС были провозглашены в Римском Договоре 1957 г. Как приоритетное направление деятельности ЕС охрана окружающей среды была закреплена ст. 3 Амстердамского договора 1997 г., Европейской стратегией устойчивого развития «Устойчивая Европа за лучший мир» (2001 г.) и программами действий ЕС в области окружающей среды.

Основные направления международного сотрудничества РФ предусмотрены в Указах Президента «О государственной стратегии российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» (1994 г.), «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996 г.), в «Экологической доктрине Российской Федерации (2002 г.)» и Климатической доктрине РФ (2009 г.).

Итак, правовая основа взаимодействия ЕС и РФ в сфере экологической безопасности была заложена в 1990-2000-е гг. Опираясь на источники, выделим следующие основные направления сотрудничества сторон:

- выработка общих подходов в области экологической политики и управления, включая гармонизацию законодательства России и ЕС;
- взаимодействие в рамках многосторонних форумов и выполнение международных обязательств в области охраны окружающей среды;
- сотрудничество по трансграничным экологическим вопросам;
- обмен информацией, повышение осведомленности общественности о проблемах окружающей среды и развитие экологического образования;
- проведение научных исследований.

В 1990-х гг. ЕС как субъект международных отношений стал ведущим участником международного процесса создания экологической политики. В 1990 г. было учреждено Европейское агентство по окружающей среде, в то время как переговорные позиции России оказались ослабленными. Иностранные представители отмечали низкий ранг и малочисленность российских делегаций, их пассивность в многосторонних экологических форумах, слабое реагирование власти на инициативы влиятельных групп. В результате до 2006 г. не существовало эффективного механизма взаимодействия РФ и ЕС в сфере экологической безопасности. Создание Российского регионального экологического центра (далее — РРЭЦ) и утверждение в 2006 г. «Положения о Диалоге по окружающей среде» в рамках «Дорожной карты Россия — ЕС по общему экономическому пространству» ознаменовало начало политики сближения в поиске подходов и механизмов разрешения проблемы чистой воды, управления отходами, улучшения качества воздуха, охраны природы, промышленного загрязнения.

Наличие у России и восточно-европейских стран ряда общих проблем, связанных с выбросами загрязняющих веществ, обуславливает необходимость разработки общих подходов по их решению. Европейская

Комиссия предложила Тематическую стратегию по охране и спасению морской среды, практические рекомендации по использованию новых технологий в сельском хозяйстве, нефтеперерабатывающей промышленности, коммунальном хозяйстве и «общие обязывающие правила», которые охватывают выбросы в воздух, почву, воду, энергопользование, промышленные отходы.

Говоря о конкретных шагах в данном направлении, подчеркнем, что в 1992—2010 гг. основное внимание уделялось всё же трансграничным экологическим проблемам и сотрудничеству в рамках ООН. Вместе со странами ЕС Россия с 1992 г. участвует в Глобальной системе экологического мониторинга и Международной геосферно-биосферной программе. Результат взаимодействия сторон — реализация более чем 300 проектов, связанных с изучением климата, анализ состояния пресноводных экосистем, оценкой опасности воздействия загрязняющих веществ [8, с. 49—51].

В обсуждении РКИК ООН ЕС и Россия, производящие значительную долю мировых выбросов парниковых газов, сыграли важную роль. В 2003—2004 гг. в РФ оказалась в центре внимания мирового сообщества в связи с оттягиванием ратификации Киотского протокола, а присоединилась к нему в 2005 г. В ходе координационных совещаний соответствующих органов ЕС и РФ в 2006—2009 гг. были разработаны планы работы, согласована общая позиция по ряду вопросов, в т. ч. относительно будущих обязательств сторон после 2012 г. Статистические данные указывают на постепенное сокращение выбросов парниковых газов: в 2008—2009 гг. выбросы на душу населения и в России, и в ЕС сократились и составили в 2009 г. 9,6 т и 7,2 т соответственно [17, р. 10].

Проблема захоронения ядерных отходов — не менее остро стоит перед РФ и ЕС в деле обеспечения экологической безопасности и мировой стабильности. В 2003—2011 гг. стороны активно сотрудничали по ряду ядерных программ, получившим гранты ЕБРР. Наиболее успешные из них — Стратегический мастер-план по выводу объектов из эксплуатации (с 2003 г.); проекты по созданию безопасных условий для хранения отработанного ядерного топлива (далее — ОЯТ) из подводных лодок класса «альфа» и «папа» (2004—2012 гг.) и строительство хранилища для ОЯТ (с 2011 г.); совершенствование системы контроля над уровнем радиации и чрезвычайного реагирования в Мурманской и Архангельской областях (с 2004 г.); утилизация плавучей технической базы «Лепсе»; система транспортировки ОЯТ в губе Андреева (с 2008 г.).

Несколько иначе происходит взаимодействие РФ и ЕС по трансграничным вопросам. Одним из первых в сфере экологической безопасности был проект «Зеленые легкие Европы». Его задача — уберечь, поддержать в хорошем состоянии и расширить крупные лесные массивы [5, с. 88].

Хорошим примером взаимодействия РФ и ЕС, по нашему мнению, является процесс «Окружающая среда для Европы» - партнерство стран Европы, Кавказа и России, международных организаций, региональных экологических центров, неправительственных организаций. Основные направления сотрудничества были определены на Пятой конференции министров «Окружающая среда для Европы» в Киеве 21—23 мая 2003 г. Среди конкретных действий — совершенствование экологического законодательства, управление природными ресурсами, выявление и анализ проблем и создание регулярно обновляемого регистра, разработка субрегиональных программ, создание согласованной структуры их рассмотрения и целевой группы экспертов по разработке механизма возмещения трансграничного ущерба.

Российско-германская программа по исследованию климата в бассейне Каспия «Сравнение атмосферных моделей» (АМIP) продемонстрировала успешность согласованных действий, как и Программа мониторинга и оценки окружающей среды Арктики (АМАП). АМАП реализуется с 1991 г. Данией, Исландией, Канадой, США, Финляндией, Норвегией, Швецией и Россией, которые оценивают состояние среды Арктики, исследуя озоновый слой, изменения климата, выявляя пути распространения загрязнителей [8, с. 52].

Большую известность получила международная программа «Северное измерение», инициатором которой выступила в 1997 г. Финляндия. Ее целью является укрепление связей и взаимодействие в сфере ядерной безопасности, защита экосистем Арктики, водной среды Балтийского и Баренцева морей и биологического разнообразия, лесных и рыбных запасов, правовое сотрудничество. В 2007 г. на конференции в Брюсселе начал реализовываться план финансового содействия для оздоровления экологии всего севера Европы, пострадавшего от хранящихся в северо-западных районах РФ ОЯТ и программа создания новой системы защиты Санкт-Петербурга от наводнений [3].

В 2007 — 2009 гг. в рамках проекта «Устойчивое комплексное использование земель в степях Евразии», направленного на увеличение площадей экологически чистых земель, восстановление и

использование заброшенных территорий, содействие сотрудничеству в управлении степными ресурсами, проводятся встречи, экспертная оценка, анализ и мониторинг действий на местах. Подчеркнем, что проект награжден почетной премией ассоциации «British Expertise» за охрану окружающей среды (2008 г.) [9, с. 37].

Трансграничное взаимодействие в Балтийском регионе охватывает все основные сферы жизни. Начавшийся в 2007 г. переговорный процесс по новому климатическому соглашению на период после 2012 г. коснулся связанных с Киотским протоколом проблем (обоснование уровня обязательств России на 2020-30 гг., аукционное распределение прав на выбросы парниковых газов, направление доходов в фонды помощи развивающихся стран).

Экологическое сотрудничество в Калининградской области, вероятно, поможет снять напряженность вокруг российского анклава на территории ЕС. Создание международного фонда финансовой поддержки природоохранного партнерства в размере 100 млн. евро способствовало реализации проектов в Санкт-Петербурге и северо-западных областях РФ. 420 тыс. евро было выделено ЕС для оборудования штабов по отработке действий по ликвидации разливов нефти на Балтике (первый такой штаб уже открылся в Петербурге на базе Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова) [3]. ЕС и РФ планируют также возвести очистные сооружения, создать замкнутые циклы переработки в химической и целлюлозной промышленности.

Проект «Сотрудничество в области защиты экологии Черного моря» (2007—2009 гг.) предполагает приведение законодательства причерноморских государств в соответствие с правовыми нормами ЕС. В рамках проекта проводятся программы обучения биологическому мониторингу и управлению морскими резервами, разрабатывается региональная стратегия комплексного управления прибрежной зоной и национальных стратегий [9, с. 34].

Россия наряду с другими странами СНГ принимает активное участие в проекте ЕС «Правоприменение и управление в лесном секторе (FLEG)» (2008—2011 гг.). Деятельность охватывает разработку национальных рабочих планов, наращивание потенциала и обучение, повышение информированности, помощь в укреплении регионального и субрегионального сотрудничества, поддержка в реализации улучшенных методов управления лесным хозяйством [9, с. 35].

Итак, РФ и ЕС создали реальные механизмы взаимодействия по ряду трансграничных экологических проблем, но повышение уровня сознательности и участия общественности в вопросах изменения

климата, на наш взгляд, также имеет важнейшее значение. В начале 2000 г. ЕС поддержал идею учреждения «региональных экологических центров» во всех странах Европы для укрепления роли гражданского общества в деле защиты окружающей среды. В РФ такая функция была возложена на РПЭЦ. В рамках информационного проекта «Россия-ЕС. Природоохранное сотрудничество» центр предоставляет информацию обеим сторонам диалога, содействует развитию экологического образования, занимается повышением информированности общественности и привлечением ее к решению проблем. Подгруппа по изменению климата Диалога по окружающей среде также консультирует заинтересованные круги в вопросах изменения климата посредством организации семинаров, круглых столов, информационных кампаний, проводит научные исследования.

При поддержке ЕС в РФ осуществляется программа «Гражданская оборона (PPRD East)» (2010—2013 гг.), направленная на повышение подготовленности и способности к реагированию на чрезвычайные ситуации и на укрепление механизмов предотвращения бедствий на местном, национальном и региональном уровнях. Повышению информированности и управления в отношении изменения климата способствует и проект ЕС «Поддержка реализации решений Киотского протокола (SKPI)» (2008 — 2011 гг.) [9, с. 36].

Немаловажный момент — финансирование проектов. Безусловно, ЕБРР является одним из главных доноров помощи России от стран ЕС. Банк выдает кредиты на реализацию проектов, связанных с энергетикой, транспортом, природными ресурсами, сельским хозяйством. Банк уделяет внимание проектам, связанным с вопросами экологического менеджмента, управлением отходами, контролем за очисткой сточных вод, за загрязнением водной и воздушной среды в бассейнах Балтийского и Баренцева морей [8, с. 54].

Техническое содействие ЕС по вопросам окружающей среды осуществляется через программу TACIS — инициативу ЕС для стран Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии, финансируемую Европейским инвестиционным банком. России на региональные и приграничные программы TACIS, по подсчетам А. Гусева, выделено 144 млн. евро [3].

ЕС обеспечивает финансовую поддержку проектов, направленных на устойчивое развитие, при помощи Европейского механизма политики добрососедства и партнерства (ENPI). Бюджет ENPI зафиксирован на уровне около 12 млрд. евро на период 2007—2013 гг. [11, с. 22]. Дополнительно был создан Инструмент технической поддержки и информационного обмена по сближению, применению и соблюдению

законодательства и система долгосрочных двусторонних соглашений со странами-соседями ЕС.

Таким образом, на рубеже веков на смену традиционным парадигмам международной безопасности пришли концепции всеобъемлющей безопасности и безопасности человека, в которых важную роль играют вопросы экологии. Географическая близость, углубление отношений и развитие обмена между ЕС и Россией приводят к росту их взаимозависимости в данной области. На наш взгляд, можно констатировать наличие не только общих законодательных механизмов, но и подходов в области экологической политики и управления, ряда действий и реализуемых мероприятий.

Иллюстрацией продуктивного диалога может послужить ряд проектов по сближению экологической политики и законодательства, выработке общей позиции на международной арене по ряду вопросов, сотрудничество в деле рационального использования природных ресурсов, удаления ядерных отходов, борьбы с загрязнением, повышению информированности общественности. Активизация участия РФ в данных сферах может привлечь значительные объемы инвестиций и послужить дополнительным фактором модернизации системы управления окружающей средой. Для ЕС сотрудничество с РФ позволяет более эффективно реализовывать международные программы. На наш взгляд, взаимодействие сторон может способствовать снятию напряженности и разрешению политических и экономических противоречий, вызванных экологическими проблемами, гарантируя международную безопасность.

Список литературы:

1. Вавилов А. Экологическая безопасность и устойчивое развитие России // Международная жизнь. — № 8. — С. 85—90.
2. Горбачев М.С. Реальность и гарантии безопасного мира // Правда. — 1987. — 18 сентября. - № 261(25248). — С. 1—2.
3. Гусев А. А., Гусев А. И. Политические аспекты сотрудничества России и Европейского Союза в сфере экологической безопасности [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://jurnal.org/articles/2008/polit37.html>.
4. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата: принят 11 декабря 1997 г. [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kprus.pdf>.
5. Колбасов О.С. Конференция ООН по окружающей среде и Россия // Государство и право. — 1992. - № 11. — С. 85—91.

6. Костин А.И. Экополитология и глобалистика : учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2005. — 418 с.
7. Кочеткова Е.В. Экологическая политика развитых и развивающихся стран: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. — 2009. — № 1. — С. 350—356.
8. Морозова В.Н. Мировая экологическая политика и международное экологическое сотрудничество : учеб. метод. пособие для вузов. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. —126 с.
9. Наши соседи: панорама региональных программ и проектов в странах Восточной Европы // Информационные бюллетени региональных программ-2010. — 52 с. [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.enpi-info.eu/files/publications/EUAID07A-0817%20Our%20Neighbours%20LR.RU.pdf>.
10. Положение о формировании диалога по окружающей среде между Министерством природных ресурсов и Генеральным директоратом по окружающей среде Комиссии европейских сообществ (Хельсинки, 10 октября 2006 г.). [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://climatechange.ru/files/Dialogue_RUS.pdf.
11. Сближение с природоохранной политикой Европейского Союза: краткий путеводитель для стран-партнеров по Европейской политике добрососедства и России : Октябрь 2007 / С. Науманн. — Берлин: ЕС, 2008. — 28 с.
12. Соглашение о партнерстве, сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (Корфу, 24 июня 1994 г.). [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_russia.htm.
13. An Assessment of the Intergovernmental Panel on Climate Change // Climate Change 2007: Synthesis Report. — p. 26—73.
14. Common Strategy of the European Union of 4 June 1999 on Russia : 1999/414/CFSP. [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/november/tradoc_114137.pdf.
15. Kirk E.J. The greening of security: environmental dimensions of national, international and global security after the Cold War // New perspectives for a Changing world order ; edited by Eric H. Arnett. — Washington: American Association for the Advanced of Science, 1991. — P. 47—69.
16. Ottens M. EU-27 and Russia: basic statistical indicators and selected trade figures, 2000—2010 // Statistics in focus. — 2011. - № 69. —12 p.
17. Road Map for the Common Economic Space — Building Blocks for Sustained Economic Growth. [электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://eas.europa.eu/russia/docs/roadmap_economic_en.pdf.

1.3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ

ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПАРТИЙНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Куликова Юлия Павловна

*Член Международного Союза Экономистов-Генерального
Консультанта Экономического Совета ООН,*

Член Комитета «Политическая социология» РАПН и РОС

E-mail: kulikova@kulikova-julia.ru

Российский и зарубежный опыт показывает, что одним из ключевых социальных субъектов модернизации, фактором устойчивого развития страны, движущей силой коренных общественных преобразований, как правило, выступает молодёжь. Задачам модернизации и вовлечения в неё молодёжи препятствует низкая солидарность российского общества, слабость горизонтальных связей, дефицит доверия в отношениях власти и общества. Институты позитивной социализации и социальной мобильности (образование, армия, наука, культура, различные общественные объединения) частично разрушены и малоэффективны. Немалая часть молодых людей негативно или скептически воспринимает государство, его основные институты, выдвигаемые инициативы.

В ходе исследования нами проанализированы ключевые позитивные формы проявления активности молодёжи в условиях модернизации общества.

К настоящему времени становится очевидным, что модернизация России немислима без активного привлечения молодёжи. Поэтому выяснению роли молодёжи в процессе модернизации современной России посвящен целый ряд мероприятий, проводимых на федеральном и региональном уровнях.

Государственная молодёжная политика России — система государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодёжи, для стимулирования развития её созидательного потенциала и активности.

Партии, участвуя в социализации молодёжи, реализуют несколько задач. Во-первых, это расширение базы электоральной и общественной поддержки. Во-вторых, трансляция своих идей и ценностей. В-третьих, системная работа с молодёжью способствует формированию кадрового и управленческого резерва партии. Наконец, молодёжь выступает своеобразным индикатором процессов, происходящих в обществе. Это даёт возможность выявления и упреждения социальных рисков с помощью коррекции жизненных стратегий молодых людей.

Процессы социализации молодёжи и молодёжная политика государства определяются особенностями общественной структуры, ситуацией в основных сферах жизни общества, декларируемыми направлениями развития и запросами со стороны основных политических акторов.

Если в советский период политическая деятельность в рамках ВЛКСМ служила одним из инструментов социальной мобильности, то с распадом СССР новый действенный механизм политической социализации молодёжи сформирован не был. С распада СССР до недавнего времени со стороны государства и основных политических партий отсутствовал запрос на системное политическое воспитание молодёжи, формирование преемственности носителей определённой идеологии. Возможности использования политических объединений как «лифтов» для молодых людей были существенно ограничены. Следствием неопределённости и риска во всех жизненных сферах стала ориентация молодёжи на достигательные жизненные стратегии, дистанцирование от политической жизни, рост аполитичности.

В 1990-е годы для основных политических сил молодёжь объектом целенаправленного воздействия становилась ситуативно, преимущественно в рамках агитации в электоральных кампаниях различного уровня. Интересы и потребности молодёжи, в силу неоднородности этой социально-демографической группы, были недостаточно понятны политическим акторам, которые сами относились преимущественно к средним и старшим возрастным группам. В то же время, в рамках формирования партийно-политического пространства происходило создание молодёжных организаций при основных политических партиях того периода.

Подходы политических партий к социализации молодёжи стали меняться в середине 2000-х гг. Этому способствовал ряд причин:

Во-первых, усиление противоречий между относительной социально-экономической и политической стабилизацией и комплексом нерешённых острых проблем в различных сферах

(социальная несправедливость, сужение политического пространства, возможности граждан влиять на принятие решений). Негативные явления ряд политических деятелей полагают возможным эффективно преодолеть путём радикальных политических преобразований, в которых активную роль должны сыграть молодые люди.

Во-вторых, повышение интереса российских политиков к молодёжи после серии т. н. «цветных революций» на постсоветском пространстве. Ведь в проведении массовых ненасильственных акций, направленных на смену политического руководства в Грузии, на Украине, в Киргизии и Белоруссии, существенную роль сыграли молодёжные организации либерально-демократической направленности. В апреле 2009 года молодёжные организации, как формализованные, так и сетевого типа, активно участвовали в массовых беспорядках в Молдове, связанных с несогласием прозападных либеральных партий с результатами парламентских выборов.

Все это делало необходимым проводить более эффективную молодёжную политику, в том числе с целью направления активности молодёжи в позитивное, а не деструктивное русло [2].

В-третьих, стремление к большей предсказуемости общественно-политической жизни, и созидательности политической активности молодых людей. Здесь большое значение приобретает воздействие на такие особенности молодёжи, влияющие на ее политическую и этническую социализацию, как лабильность сознания, неустойчивость и подвижность позиций молодых людей в социальной и политической системе, ограниченность социальных и политических связей, незавершенность становления субъектности в социально-политических отношениях.

Российские политические партии в последние годы активизировали работу с молодёжью, которая представляет существенный интерес для них в качестве объекта политической социализации, кадрового ресурса, площадки для «обкатки» различных инициатив и идеологических вопросов.

Партиями мероприятия в области стимулирования политической активности молодёжи реализуются по нескольким основным направлениям:

- развитие молодёжных организаций, ориентированных на поддержку и продвижение идейно-политических установок соответствующей партии;
- позиционирование таких организаций как структур, призванных содействовать подготовке управленческих кадров для

решения задач модернизации страны (оценки сущности модернизации и её ориентиров разными партиями существенно варьируются);

- привлечение голосов молодых людей как электорального ресурса в условиях изменений избирательного законодательства;
- противодействие политическим оппонентам и негативно оцениваемым общественным явлениям и практикам, в том числе посредством уличных акций, в которых сама партия по тем или иным причинам не может (или не считает целесообразным) участвовать.

Одной из составляющих партийной политической социализации молодёжи является социализация в области межнациональных отношений. Актуальность этой задачи применительно к российским реалиям обусловлена рядом факторов:

- недостаточность, а нередко — неэффективность или негативный эффект работы по формированию культуры и навыков межэтнических отношений в рамках базовых институтов социализации (школы, семьи, армии);
- рост популярности ксенофобных, экстремистских настроений в молодёжной среде (как «русского этнонационализма», так и «национализма меньшинств»), насилия на расовой и этнической почве, усиление активности экстремистских молодёжных группировок;
- сохранение или нарастание противоречий с рядом постсоветских государств, которые нередко приобретают характер этнокультурных. В том числе — споры из-за ограничения пространства русского языка и культуры, нарушения прав российских соотечественников, историко-политические споры (снос памятников советской эпохи, политика исторического ревизионизма, выстраивание гражданской идентичности «молодых демократий» на основе «исторического противостояния России»).

Список литературы:

1. Закон Магаданской области «О молодом специалисте» № 909-03 от 09.11.2007
2. «Опыт укрепления стабильности в странах СНГ 2005-2007 гг.» Аналитический вестник Совета Федерации № 28 (345) 2007.
3. Положение «Об Общественной молодежной палате при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации» (с изменениями на 21 октября 2005 года). Москва, 10 июня 2005 года, N 1979-IV ГД.
4. Постановление Совета Федерации от 08.08.2004 N 286-СФ (ред. от 02.02.2007) «О Совете по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с молодежными парламентами субъектов Российской Федерации, молодежными общественными объединениями Российской Федерации (Молодежной парламентской ассамблеи)».

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Рыцев Александр Иванович

*аспирант СГА, преподаватель ГБОУ СПО « Октябрьский нефтяной
колледж им. С.И. Кувыкина», г. Октябрьский
E-mail: alexir01@mail.ru*

В условиях динамичных изменений общества одним из критериев качества профессионального образования является подготовленность обучающихся к адаптации в современных рыночных отношениях, владение набором компетенций, обеспечивающих готовность к работе в изменяющихся экономических условиях, умение воспринимать и анализировать социально-экономические процессы, прогнозировать их развитие. При подготовке специалиста важное значение приобретает развитие его личности. Таким образом, качественное профессиональное образование сегодня — это средство социальной защиты, гарантия стабильности, профессиональной самореализации человека.

Вместе с тем, трансформация социальных и экономических условий требует перехода учреждений среднего профессионального образования на инновационный путь развития с целью достижения качественно нового уровня подготовки кадров.

В свою очередь, в настоящее время намечается тенденция синтеза наук в развитии научной мысли, одним из которых является педагогический менеджмент, направленный на овладение обучающимися знаниями, навыками и умениями при взаимодействии с педагогом.

Согласно анализа научной литературы представляется возможным выделить два уровня педагогического менеджмента: один — это

руководители образовательных учреждений и их заместители, другой — педагоги (низшее звено управления). В нашем исследовании рассматривается второй уровень педагогического менеджмента — деятельность педагога по управлению образовательным процессом.

Педагог как субъекта менеджмента выполняет функции управления обучением, воспитанием, развитием, формированием обучающихся, что дает нам возможность называть педагогов менеджерами.

Таким образом, для успешного решения проблем необходимо привлекать все ресурсы организации (знания и опыт людей, инновационные технологии, эффективный менеджмент и т. п.) и в первую очередь применять современные технологии разработки и принятия управленческих решений.

Существуют различные авторские подходы в выделении этапов принятия управленческих решений.

По мнению И. К. Рыженковой [5 с. 183], рациональная модель принятия решений, основанная на осознанном переборе альтернатив, включает пять основных этапов:

1. диагностика проблем;
2. определение критериев;
3. формулирование альтернатив;
4. оценка альтернатив;
5. выбор одной из альтернатив.

Зайцева О. А., Радугин А. А., Радугин К. А., Рогачева Н. И. [2, с. 223] выделяют шесть этапов принятия управленческих решений:

1. определение проблемы;
2. установка целей;
3. разработка альтернативных решений;
4. выбор альтернативы;
5. осуществление решения;
6. оценка результатов.

Наиболее удачным нам кажется подход, представленный исследователями М.Х. Месконом, М. Альбертом, Ф. Хедоури [4, с. 61], которые выделяют следующие шаги в процессе принятия управленческого решения:

1. постановка цели решения;
2. установление критериев решения;
3. разделение критериев;
4. выработка альтернатив;
5. сравнение альтернатив;
6. определение риска;
7. оценка риска;
8. принятие решения.

Отметим, что перед выявлением проблемы необходимо определить цель или результат, который должен быть получен после её разрешения, а также провести оценку имеющегося социального контекста, т. е. в первую очередь требуется осуществить системный анализ ситуации, её оценку и диагностику, далее формулируется проблема, и уже затем начинается непосредственная разработка управленческого решения. Ввиду этого, к основным стадиям процесса принятия решения обычно относят: выявление и определение проблемы; поиск информации и альтернатив решения; выбор одной из альтернатив; принятие решения.

Однако ряд авторов считают указанный алгоритм принятия решений неполным и его целесообразнее назвать механизмом разработки решений, поскольку выбор альтернативы обязательно требует организации процесса её исполнения. В связи с этим логически корректной и социологически оправданной представляется модель принятия управленческих решений, разработанная О. С. Виханским и А. И. Наумовым, которые уточняют содержание этого процесса, предлагая три стадии принятия решений: признание необходимости, выработка решения, выполнение решения [1, с. 45].

Таким образом, можно говорить о принятии управленческого решения в широком и узком смысле. В узком смысле предполагается собственно разработка управленческого решения, а в широком предполагается также и ее реализация, т.е. практически ассоциируется со всеми функциями управления: планирование, организация, мотивация, контроль и др.

Однако качество управленческого решения возможно и необходимо оценивать еще на стадии его принятия, не дожидаясь получения фактического результата, используя для этого совокупность характеристик, выражающих основные требования к решению.

Другими словами, качество управленческого решения — это степень соответствия параметров выбранной альтернативы решения определенной системе характеристик, удовлетворяющая его разработчиков и потребителей и обеспечивающая возможность эффективной реализации [3, с. 12—13].

Вместе с тем, в организациях имеются проблемы при принятии управленческих решений, одна из которых — несоблюдение технологии, т. е. последовательности операций или невыполнение их.

При исследовании за основу был взят такой аспект как — классное руководство. Как известно, в рамках классного руководства предусматривается спектр обязанностей и при руководстве группой педагог, на которого возложены классное руководство, должен иметь максимальный объем информации для принятия решения. В частности,

причины неуспеваемости уточняются путем прямого контакта (диалога) с преподавателем, преподающим дисциплину. Это позволит более качественно принимать управленческие решения классному руководителю и реализовывать их. Журнал успеваемости студентов не может отобразить спектр учебного процесса. В результате исследований автора по преподаваемым им дисциплинам в группах ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С. И. Кувькина» за четыре года было установлено, что в среднем такой контакт оценивается в 25,1 %, что является недостаточным для принятия качественных решений (табл. 1), включающий поиск, сбор и обработку информации и др.

Таблица 1.

**Результаты выборочного наблюдения
по критерию — контакт классного руководителя
с преподавателем для принятия управленческих решений**

Учебный год	Количество учебных групп	Количество классных руководителей	% от общего количества
2008-2009гг.	10	3	30
2009-2010гг.	12	2	16.7
2010-2011гг.	12	3	25
2011-2012гг.	14	4	28.6
В среднем	12	3	25.1

Как известно, управленческие решения, пронизывают всю организацию снизу доверху и являются основой управления. Как нам видится, представляется весьма актуальным внедрение достижений в области управления и теории принятия управленческих решений в учебный процесс.

Список литературы:

1. Виханский О. С., Наумов А.И. Менеджмент: Учебник для вузов, 3-е изд. М.: Гардарики, 1998. — 528 с.
2. Зайцева О. А., Радугин А. А., Радугин К. А., Рогачева Н. И. Основы менеджмента: Учебное пособие. М.: Центр, 1998.
3. Злобина Н. В.. Управленческие решения: учебное пособие / Н. В. Злобина. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007.
4. Мескон М., Альберт М., Ф. Хедоури. Менеджмент — наука управления. М., 1991.
5. Рыженкова И. К. Профессиональные навыки менеджера. М.: Эксмо, 2008.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Лапин Николай Сергеевич

*старший научный сотрудник Института истории государства МОН
РК, г. Астана, Республика Казахстан*

E-mail: lapin.79@mail.ru

Республика Казахстан — полиэтническая страна, где проживают представители 130 этносов. Согласно данным Переписи-2009 русские Казахстана, несмотря на видимое сокращение численности с момента проведения предыдущей переписи, остаются второй по численности этнической группой Республики, составляя около 3 млн. 800 тыс. человек, охватывая при этом около четверти от всего населения [6, с. 9].

История русских на территории современного Казахстана насчитывает почти полтысячелетия. Русское население, в основном локализованное в северной части казахских степей в продолжении XVI—XVIII вв., было немногочисленным, и формировалось преимущественно за счет служилых людей (казаки), и жителей внутренних областей России, стремившихся избежать социального гнета (крепостные, сектанты и т. п.) [7, с. 81].

К 1897 г., когда была проведена первая общероссийская перепись населения в пределах Казахстана, численность русских достигла около 10 % от всего населения региона. В начале XX в. в результате переселенческой политики проводимой в рамках столыпинских аграрных преобразований русское население в Казахстане увеличилось с 539,7 тыс. в 1897 г. до 1439,1 тыс. чел., в 1916 г., а его удельный вес повысился до 18,9 % [7, с. 82].

В годы Великой Отечественной войны Казахстан принял около 1,5 млн. человек, эвакуированных из оккупированных районов СССР, часть из которых осталась в республике.

В 1950-е годы, только на первом этапе (1954—1956 гг.) освоения целинных земель в Казахстан прибыло около 650 тыс. человек, а за десять с небольшим лет (1953—1965 гг.) численность населения Казахстана увеличилась на 2 млн. человек, или в полтора раза. Однако

в начале 1960-х гг. миграционный приток русского населения в республику прекращается, а с середины этого десятилетия начинается его отток [7, с. 82].

В 1970—1980-е гг. существовала довольно устойчивая тенденция отрицательного миграционного баланса Казахстана в несколько десятков тысяч человек, который был самым заметным из всех советских республик. Но в тот период убыль населения перекрывалась естественным приростом.

Ситуация радикально изменилась в период с 1989 по 1995 г., когда республика потеряла в миграционном обмене с другими государствами около 1200 тыс. человек. Одновременно, в этот период у русских смертность стала превышать рождаемость, и началось абсолютное сокращение численности, которое продолжается и по сей день [3, с. 116].

Все это непосредственным образом отразилось на общем количестве русского населения в Казахстане (см. табл. 1).

Таблица 1.

Динамика численности населения Казахстана (1970—2010 гг.)

	1970	1979	1989	1999	2009
Все население	13026274	14709508	16222324	14981281	16009597
Русские	5542929	6019391	6092377	4480675	3793764
в % ко всему населению	42,6	40,9	37,6	29,9	23,7

Примечание: Таблица составлена по материалам Агентства Республики Казахстан по статистике.

В представленных материалах предпринимается попытка выявить языковую идентификацию русского населения Республики Казахстан (РК) на современном этапе, на основании данных полученных в ходе, проведенной в стране в 2009 году Национальной переписи населения.

На территории Казахстана официальные переписи проводились, начиная с конца позапрошлого столетия — в 1897 году, в 1920, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 1999 и последняя — в 2009 году.

Вторая в условиях суверенитета Национальная перепись населения была проведена в соответствии с постановлениями Правительства Республики Казахстан в период с 25 февраля по 6 марта 2009 года. Основным источником для статьи послужили материалы этой переписи, опубликованные в 2010 году Агентством Республики Казахстан по статистике в статистическом сборнике «Национальный

состав, вероисповедание и владения языками в Республике Казахстан» [5].

В этом сборнике представлена характеристика национального состава населения Республики Казахстан, с распределением по полу, возрасту, состоянию в браке и уровню образования, а также приведены данные о степени владения населением родным языком, другими языками и вероисповеданию.

Материалы этой переписи предоставляют достаточно характерную информацию о языковой идентификации русского населения Казахстана. В частности приводятся количественные данные об идентификации языка в качестве родного, различия между городским и сельским населением в этом вопросе, а так же различия по полу и тому подобное.

Как известно, язык не просто средство коммуникации, а пожалуй основной признак этничности, этнической самоидентификации. Л. М. Дробижева отмечает: «Понятие «родной язык», использовавшееся во Всесоюзных переписях, больше отражало не реальное языковое поведение, а именно представление о нем как языке «своей» этнической общности, т. е. как элементе этнического самосознания. При этом данные о родном языке для абсолютного большинства национальностей оставались достаточно стабильными. Хотя какие-то изменения, конечно были» [1, с. 154].

В целом специалисты придерживаются мнения что «в анализе идентичности... важным выступает выявление значимости и функционирования языка, в первую очередь родного» [4, с. 123]. Это в значительной степени относится к русскому языку в Казахстане, где он продолжает играть важную роль в жизни республики, выполняет гуманитарную функцию и продолжает оставаться одним из основных языков для большинства этносов республики.

В ноябре 2007 г. Фонд «Наследие Евразии» совместно с партнерами в Казахстане — Институтом сравнительных социальных исследований «ЦеССИ — Казахстан» (г. Астана) и Центром социальных и политических исследований «Стратегия» (г. Алматы) — провели опрос, исследуя степень владения русским языком в Казахстане среди 1057 респондентов.

Самооценка степени владения русским языком выглядит следующим образом: свободно говорю, пишу и читаю по-русски — 67 %; свободно говорю, пишу с ошибками — 17 %; могу объясниться с людьми, говорящими по-русски — 12 %; не знаю русского языка — 3 %.

В семье среди опрошенных респондентов общаются на русском языке — 43 % (в 2002 г. — 54,7 %), на русском и титульном — 16 %

(данных по 2002 г. нет), только на титульном — 32 % (в 2002 г. — 40,9 %), на других языках — 6 % (в 2002 г. — 4,4 %).

На работе общаются на русском языке — 50 % респондентов (в 2002 г. — 47,4 %), на русском и казахском языках — 33 % (в 2002 г. — 25,3 %), только на казахском языке 16 % (в 2002 г. — 27,3 %). Если сравнить цифры 2007 и 2002 гг., то можно увидеть, что доля распространения русского языка и общения на нем в производственной сфере за пять лет увеличилась на 2,6 %, процент использования двух языков — русского и титульного — увеличился на 7,7 %, а только на казахском языке сократился на 11,3 % [2].

Согласно материалам Национальной переписи из всех русских Казахстана в качестве родного выбрали язык своей национальности, то есть русский — 3.748.325 человек, что составило 98,8 % от всего количества. При этом 45.439 человек (1,2 %) в качестве родного указали язык другой национальности [5, с. 251].

Отметим что показатель идентификации русскими в качестве родного языка — языка своей национальности, являются одним из самых высоких в Казахстане (уступает только 0,1% казахам) и превышает более чем на 5 % средний показатель по всем национальностям — 93,5 %.

Абсолютное совпадение, по относительному показателю в этом вопросе у русского мужского (всего 1.709.820 человек) и женского (всего 2.083.944 человек) населения — 98,8 %. При этом, если мужчины, как и в целом по всему населению занимают вторую строчку среди народов Казахстана, то среди женщин это самый высокий показатель [5, с. 251].

Некоторые колебания этого показателя отмечаются в зависимости от категории «городское» и «сельское население».

Большинство русского населения — 2.763.012 человек — проживают в городах, и среди них отмечается самый высокий уровень идентификации национального языка в качестве родного. Таковых насчитывается 2.732.979 человек, что составляет 98,9 % от всего русского городского населения. По степени соотношения родного языка и языка своей национальности согласно данным переписи населения русские горожане Казахстана занимают первое место среди других этносов Республики.

Что касается пола — из 1.222.427 русских мужчин горожан 1.208.752 или 98,9 % в качестве родного выбрали язык своей национальности. Такое же соотношение (98,9 %) и у женщин — из 1.540.585 человек 1.524.227 определяются таким же образом. По этому показателю русские-горожане имеют самый высокий процент.

Несколько иная ситуация с русским сельским населением. Составляя менее трети от всех русских Республики — 1.030.752 человека, подавляющее большинство — 1.015.346 человек, так же согласно материалам переписи идентифицируют национальный язык как родной. Однако по относительному показателю — 98,5 % русское сельское население Казахстана, в отличие от городского, занимает вторую строчку. Аналогичные показатели (98,5 % и вторая строка среди других национальностей РК) в зависимости от пола — из 487.393 мужчин — 480.045 и из 543.359 женщин — 535.301 идентифицируют национальный язык как родной.

Таким образом, материалы национальной переписи населения Казахстана проведенной в 2009 году отмечают очень высокий для Республики показатель идентификации русским населением Казахстана родного языка и языка своей национальности. Особенно это характерно для русского городского населения.

Список литературы:

1. Арутюнян Ю. В. и др. Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 271 с.
2. Вдовина Н. Русский язык в Казахстане. — 16 сентября 2008 г. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: Информационно-аналитический портал Евразийский дом: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1727>
3. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник на казахском и русском языках. Главный редактор А.А. Смаилов. — Астана, 2012. — 608 с.
4. Забирова А. Т. Формирование, легитимация и воспроизводство идентичности в постсоветском Казахстане // Социологические исследования. 2003. — № 12. — С. 118—126.
5. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан / Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан Статистический сборник / Под ред. А. Смаилова / Астана, 2010. — 297 с.
6. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А. А. Смаилова / Астана, 2010. — 110 с.
7. Савин И. С. Русские в современном Казахстане // Социологические исследования. — 2010. — № 8. — С. 81—89.

2.3. СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ПОСЛЕДСТВИЯ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ДЛЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РФ

Галкин Георгий Дмитриевич

*аспирант, Московский государственный университет пищевых
производств, г. Москва
E-mail: ilovemgupp@mail.ru*

Глобализация мирового хозяйства привела Россию к необходимости и неизбежности вступления в ВТО. Несмотря на необратимость происходящего, продолжают дискуссии на тему возможных последствий этого процесса. Присоединение России к ВТО — это присоединение России к действующим правилам движения товаров и услуг на мировой рынке, а также к уже существующим, и не всегда совпадающим с российскими, стандартам качества производимых товаров. Одна из отраслей, подвергающихся серьезному риску, — сельское хозяйство, а также смежные с ним сегменты российской экономики.

Можно заметить, что по данным за 2009 год из 46 стран с наиболее развитой экономикой, с ВВП от 164 до 14119 миллиардов долларов США, 44 (95 %) страны являются членами ВТО, а 2 оставшихся являются наблюдателями ВТО. А из 25 стран с наибольшим объемом сельскохозяйственного производства (от 12 до 516 миллиардов долларов США в год) — 21 страна (84 %) является членами ВТО, а 4 оставшиеся — наблюдателями. Но зато из стран с наибольшим ростом сельского хозяйства (за 2001—2009) только 55 % стран-членов ВТО, а из стран с наименьшим ростом сельского хозяйства (за 2001—2009) — 81 % стран-членов ВТО. (1)

Последствия вступления РФ в ВТО для АПК РФ можно прогнозировать двояко: ухудшение финансово-экономического положения отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей из-за снижения таможенных пошлин на импортные товары и, как следствие, уменьшение доли продуктов питания отечественного

производства в потребительской корзине населения или же (вследствие принятых правительством РФ мер) — шанс АПК окрепнуть и расширить как долю продуктов питания отечественного производства во внутренней потребительской корзине, так и экспорт сельскохозяйственной продукции и продуктов питания за рубеж. Большие опасения по поводу вступления в ВТО возникают у производителей сельхозтехники, потому что, во-первых, из-за снижения пошлин ожидается увеличение экспорта сельскохозяйственной техники, в том числе и бывшей в употреблении, во-вторых, сокращается внутрисоветский рынок (как следствие общего удара по сельскому хозяйству) и, в-третьих, возрастет себестоимость отечественной техники.

По мнению комитета Госдумы по аграрным вопросам, опасения АПК связаны в первую очередь с неконкурентоспособностью наших сельхозпроизводителей из-за низкой эффективности производства и производительности труда, наиболее чувствительными к грядущим переменам признаны животноводство, растениеводство, молочная, сахарная, масложировая и сельхозмашиностроение.

Помимо общих рекомендаций типа финансового оздоровления отрасли, правительство РФ предлагает ряд конкретных мер. Одной из них является введение в законодательство понятия «неблагоприятный регион для ведения сельского хозяйства», поскольку правила ВТО позволяют правительству оказывать поддержку таким регионам. Предполагается, что Минсельхоз предложит признать неблагоприятными регионы, где уровень доходности в сельском хозяйстве окажется ниже среднего по отрасли, а под такой критерий попадает чуть ли не половина сельскохозяйственных регионов. Правительство собирается изыскивать в бюджете ресурсы по увеличению финансирования Госпрограммы развития сельского хозяйства до 2020 г. в соответствии с разрешенным уровнем поддержки, предусмотренным Соглашением ВТО.

В рамках самой Всемирной торговой организации существует целый набор вариантов поддержки сельского хозяйства, называемый зеленой корзиной, который вообще не ограничен, в частности, — это дороги, инфраструктуры, телекоммуникации (для села в данном случае), это развитие науки в этой области, семенного растениеводства, животноводства и т. д. В рамках программ зеленой корзины осуществляется финансирование направлений: развитие рыночной инфраструктуры аграрно-продовольственного сектора, развитие социальной инфраструктуры села и повышение образовательного уровня сельских жителей, развитие и поддержка несельскохозяйственных видов деятельности в сельской местности,

поддержка доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей, не связанная с производством продукции. Такие меры не подпадают под обязательства по сокращению, следовательно, Россия сможет их финансировать в любых объемах, исходя из реальных возможностей государственного бюджета и политической воли руководства страны. Реализация мер зеленой корзины, которые носят долгосрочный характер, является необходимым, но недостаточным условием преодоления кризисного состояния сельскохозяйственной отрасли на современном этапе ее развития.

Еще одним, несомненно, важным фактором поддержки российского АПК в период вхождения и адаптации в ВТО, является накопленный на базе советской системы образования человеческий капитал. Относительно дешевая, и в тоже время квалифицированная рабочая сила, может привлечь иностранные инвестиции в этот сектор экономики. Однако, учитывая критическую ситуацию с трудовыми ресурсами в сельской местности (старение и высокий уровень смертности сельского населения, уменьшение его численности), необходимо обновить систему подготовки и переподготовки кадров для сельскохозяйственной отрасли, а также обеспечить условия проживания, труда и досуга тружеников села.

Если проводить аналогии с Китайской Народной Республикой, которая вступила в ВТО 11 декабря 2001 г., то можно смело сказать, что Китай испытывал те же трудности, которые сегодня стоят перед Россией. Перед Китаем со вступлением в ВТО крайне остро встала проблема конкурентоспособности китайских товаров, особенно продукции сельского хозяйства. Низкое качество и высокая себестоимость сельскохозяйственной продукции оказались серьезной преградой на пути расширения экспорта. Из-за этого в настоящий момент сельскохозяйственная продукция в переизбытке на внутреннем рынке. Помимо того, Китай испытывает дефицит многих специализированных сортов и видов сельскохозяйственной продукции, которые не производятся в стране. Нынешняя структура агропромышленного сектора в условиях рынка и изменившегося характера спроса уже не в состоянии удовлетворить возросшие потребности потребителей. Поэтому, со вступлением Китая в ВТО в КНР направился широкий поток дешевой импортной сельхозпродукции, которая все более свободно конкурирует с национальными товарами на внутреннем рынке Китая. Увеличивается влияние мирового рынка на ассортимент производимой продукции. В связи с этим, с 2003 года в КНР действует экстренная стратегическая программа создания 12 отраслевых зон по производству наиболее

перспективных видов продукции, обладающих конкурентными преимуществами на мировом рынке. В соответствии с динамикой развития мирового рынка, был отобран ряд видов сельхозпродукции, которым отдается предпочтение, а именно: специализированные виды пшеницы, специализированные виды кукурузы, соевые бобы с высоким процентом выхода масла, хлопок, рапс, сахарный тростник, коровье молоко и др. Поставлена также задача всемерно расширять экспорт сельскохозяйственных продуктов. Сюда отнесены яблоки, апельсины, говядина и баранина, продукция рыбного промысла и др.

Подводя итоги, можно обозначить несколько основных направлений реализации политики по предупреждению негативных последствий вступления в ВТО для АПК РФ:

1. Ознакомление общественности с правовой системой ВТО, в том числе и через СМИ. Проведение мероприятий по обсуждению проблем и возможных последствий присоединения к ВТО. Разработка для АПК общей концепции работы в рамках ВТО и рекомендаций для конкретных учреждений данной отрасли.

2. Проведение системной модернизации АПК РФ.

3. Укрепление материально-технической базы аграрного сектора.

4. Развитие социальной и рыночной инфраструктуры (информационной, транспортной, торговой, финансовой) села.

5. Создание отраслевых сельскохозяйственных зон на базе научного районирования, специализации и разделения труда по производству наиболее перспективных видов продукции, обладающих конкурентными преимуществами на мировом рынке.

6. Предоставление скидок в тарифах на электроэнергию и железнодорожную транспортировку сельскохозяйственных грузов.

7. Обеспечение функционирования системы страхования урожаев сельскохозяйственных культур.

8. Гармонизация российской сертификации сельскохозяйственной и пищевой продукции со стандартами, существующими в ВТО.

9. Повышение образовательного уровня сельских жителей.

10. Активизации микрокредитования сельского населения.

Список литературы:

1. Гуриев С. Мифы экономики. — М.: ООО «Альпина Бизнес Букс», 2006. — с. 145—151.
2. Мир в цифрах. 2012. Карманный справочник. — М.: ЗАО «ОЛИМП-БИЗНЕС», 2012. — с. 14; 38; 39.

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ИММАНЕНТНАЯ ЭТИКА: ТИПОВЫЕ ПОДХОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Железнов Андрей Сергеевич

соискатель, УрФУ, г. Екатеринбург.

E-mail: andrey.zheleznov@live.ru

Эта статья посвящается попыткам построения имманентной этики и их связи с современным представлением о совместном существовании. Постановка такой цели определяется, в общем-то, тем особым местом, которое занимает построение имманентной этики в современности. Кризис «метафизики», уход от всякого гомологии в современном мышлении формирует и для этики определенный запрос на изменения, заключающийся в поиске возможности обоснования должного в чем-то кроме абсолютных и универсальных целей и ценностей. Собственно, одним из способов ответа на этот вопрос как раз и является имманентная этика, идея которой заключается в том, чтобы сопоставлять должное с устройством самого существования индивида. В данной статье мы дадим некоторый обзор двух основных подходов к построению имманентной этики и обозначим их ограничения.

Первый подход к построению имманентной этики, который мы выделяем, заключается в том, чтобы выводить должное из человеческой природы, сущности, которая обладает наличными характеристиками. Должным будет такое поведение, которое соответствует этой природе. Это подход, пожалуй, наиболее распространен и имеет самую длинную историю. Один из характерных примеров такого подхода мы обнаруживаем, например, в сенсуалистской этике, в частности у Шефтсбери и Хатчесона и концепте «морального чувства». В нашей статье, однако, кажется

более важным рассматривать не исторические, а современные попытки построения имманентной этики. И здесь мы должны закономерно обратиться, к работам Делеза, который, собственно, и проговаривает свою позицию в качестве имманентной этики.

В «Спинозе» мы можем найти следующее высказывание, в котором этика и противопоставляется морали: «Именно так Этика, являющаяся, так сказать, топологией имманентных модусов существования, смещает Мораль, которая всегда связывает существование с трансцендентными ценностями. Оппозиция ценностей (Добро-Зло) вытесняется качественным различием модусов существования (хорошо-дурно). Иллюзия ценностей ничем не отличается от иллюзии сознания: поскольку сознание по существу невежественно, поскольку оно не принимает во внимание порядок причин и законов, порядок связей и их композиций, поскольку оно довольствуется ожиданием и принятием действий-эффектов, постольку сознание превратно понимает всю Природу в целом» [1, с. 343—344]. Собственно, здесь мы собственно уже можем увидеть этику в качестве, прежде всего, интеллектуальной практики: начинается с анализа собственной сущности, аффектов, которые раскрывают или наоборот сдерживают эту сущность. Это интеллектуализм этики очень хорошо виден в примере с запретом есть плод дерева познания Добра и Зла. Указание Бога «Не ешьте плодов дерева познания Добра и Зла» рассматривается как констатация факта. Так Бог, по мнению Делеза, просто констатирует факт, что поедания определенных продуктов может закончиться для человека печально. Бог может позволить себе такое высказывание, потому что знает устройство Адамова тела и то, какой вред ему может нанести данный плод. Адам же не имеет представления о свойствах своего тела, не может разумно рассуждать о том, как на него повлияет встреча с плодом [1, с. 342—343]. Вместо того, чтобы заняться познанием своего тела и его возможностей глупый Адам принимает слова Бога как запрет или заповедь — поэтому у Адама получается «мораль». Если мы предположим, что вместо простого принятия запрета, Адам задумался бы о его источнике, то он, во-первых, пришел бы к тому, что озвучивание предупреждение не было «намерением» Бога — просто сущность Бога именно в том, чтобы указывать на непригодность некоторых плодов для питания. Во-вторых, понял бы, что его тело устроено таким образом, что поедание этого плода принесет ему разрушение. В этом случае мы бы говорили, что Адам занялся «этикой».

Этот момент принципиален в первую очередь для опознания этики Делеза именно в качестве имманентной: должное более не декларируется, не отсылает более к высшему порядку, должное следует из анализа собственных возможностей и собственных особенностей. Адам «не должен есть этот плод» не потому что «так сказал Бог», а потому что сущность самого Адама, свойства его тела таковы, что плод для них вреден. В некотором смысле здесь происходит и «ослабление» должного. Делез говорит не о «Добре и Зле», имеющих абсолютную ценность, но о «лучшем и худшем». «Должное» здесь мыслится, как «рекомендованное», но не необходимое или обязательное; рекомендованное исходя из особенностей самого индивида. Вот этот подход к этике, как преимущественно интеллектуальной практике на самом деле и приведет далее к тому, чтобы заземлить этику на свойства индивидов. Хорошим являются состояния, которые увеличивают способность моего тела к действию (идеи, которые увеличивают ясность познания), и этика, прежде всего, должна заниматься изучением моих способностей.

Однако, эта же логика содержит и существенные проблемы: она предполагает наличие некоторой постоянной «сущности», обладающей свойствами, исходя из которых и можно определить лучшее. Да, с одной стороны, сущность, свойства тела не мыслятся как что-то трансцендентное и внешнее для индивида. Они также (пусть уже не в контексте анализа Спинозы) могут мыслиться и менее абстрактно, мы можем говорить хоть об индивидуальной сущности каждого (правда, тогда вероятно у каждого будет и индивидуальная способность к познанию этой сущности). Однако, при всем при этом сущности или свойств индивида мыслятся как нечто данное до любого взаимодействия с другими. Даже более того, сущность определяет то, каким образом будет происходить взаимодействие с другими.

И в этом смысле, имманентная этика Делеза кажется сомнительной. Условно говоря, нас здесь может больше волновать не то, что предположение сущности индивида не допустимо, а то, что оно попросту неправильно: существование представляет конструирование субъектов, их свойств, а не столько их проявление. Поэтому мы можем говорить о том, что этика Делеза позволяет «закрывать глаза» на процесс совместного бытия, считать, что твое существование определяется полностью только твоей индивидуальностью, но не событием, в котором индивидуальность была произведена. Здесь может быть и нет уже трансцендентального означаемого, но только лишь потому, что вместо него этика определяется «наличным» означаемым.

Здесь интересно заметить, что первый описанный подход к построению имманентной этики, оказывается и наиболее распространенным. Вывод должного исходя из (ключевых) свойств индивида глубоко укоренен и в практических подходах, с которыми мы сталкиваемся в современности. Например, идентичный подход мы находим в этике, лежащей в основании практики менеджмента: вывод о должном основывается на представлении о способностях и склонностях индивида, т. е. должным или предпочтительным называется то, что наиболее полно соответствует особенностям конкретного человека.

Такое положение, на самом деле, достаточно закономерно, оно связывается еще с истоками современного западного общества. Мы можем вспомнить, что зависимость должного от личных склонностей впервые была артикулирована в протестантизме. Говоря о связи протестантизма с логикой деловой жизни мы, конечно, не можем не сослаться на классический источник — Макса Вебера, который впервые связывает деловой подход с его основаниями в определенной морали. И уже у Вебера эта связь проявляется через отношения между концепциями “solafide” и “beruf”: если для спасения важна только вера — в практической жизни следует оставаться на том месте, где тебя поместил Господь, т. е. выполнять свое призвание.

Идея соответствия призванию лежит и в основе практики менеджмента. Другое, дело, что здесь место аналитики сущности или «морального чувства» занимает поиск вдохновения. (Интересно, кстати, было бы сравнить эту аналитику собственных склонностей, различие их с не собственными, с «христианской экзегезой», которую определяет Фуко в «Герменевтике субъекта»: для Фуко это экзегеза также представляет собой по преимуществу практику различать среди своих желания и склонностей «истинные» и «ложные».) Должным считаются действия, которые «вдохновляют», эмоционально значимы для индивида, а за счет этого могут его мобилизовать. Примеры такой аналитики мы можем найти практически в каждой популярной концепции, начиная с более академичных работ и заканчивая советами и автобиографиями. (Например, у Джима Коллинза в «От хорошего к великому» одно из условий величия компании заключается в том, чтобы найти деятельность, которая всех интересует. Аналогичное утверждение мы находим в “Re-work” Фрайда. У Тома Питерса в «Человеке-бренде» переход к правильной установке в работе и жизни начинается ввопроса «кем ты хочешь стать». Аналогичное мы находим в различных работах посвященных самоменеджменту — у Стивена

Кови, Глеба Архангельского. Необходимость буквально «вдохновения» можно найти у Тимоти Ферриса и Ричарда Бренсона.) Этика менеджмента в полной мере реализует принцип соответствия хорошего и дурного личным свойствам и склонностям. Здесь мы не найдем анализа сущности или природы человека, он заменяется поисками «вдохновения», подбор целей, которые вызывают личную заинтересованность. Это однако, остается только вариантом реализации того же подхода, который мы описывали у Шефтсбери и Делеза: должное следует из свойств уже данной сущности или личности.

Второй подход к построению имманентной этики, который мы выделяем, представляется собой связывать должное и существование индивида, понимая его существование как часть социальности. Такая этика сопоставляет должное не с природой человека, а с социальным процессом, в который он вовлечен. Другое дело, что в этом описании социальный процесс и не оказывается достаточно имманентным индивиду, он рассматривается скорее как внешнее обязательное условие для его существования, как реальность, определяющая индивидуальное. Получается, что такая этика не обращается к социальности как таковой, к социальности как процессу совместного бытия, она работает скорее с социальной структурой, со сложившимися и воспроизводимыми в конкретном сообществе отношениями. Похожим образом рассуждение о должном строится в коммунитаризме, у Макинтайра и, отчасти у Фуко. Оба автора не просто сопоставляют конкретную мораль конкретному типу общества, но и показывают, каким образом, эта мораль принимается индивидами в качестве их собственной, или, иными словами, связывают существования социально-обоснованной нормы и субъективации индивидов.

Этика Макинтайра строится вокруг понятия добродетели, появления добродетели, ее утверждения в сообществе, ее принятие индивидом в качестве собственных убеждений. Всего Макинтайр выделяет несколько концепций добродетели, которые на его взгляд, в смешанном виде существуют в современном моральном дискурсе. Ближе к окончанию «После добродетели» мы можем найти следующее утверждение: «У нас есть, таким образом, по крайней мере три совершенно различных концепции добродетели: добродетель есть качество, которое позволяет индивиду выполнять свою социальную роль (Гомер); добродетель есть качество, которое позволяет индивиду двигаться по направлению к специфически человеческой цели (*telos*), будь то цель естественная или сверхъестественная (Аристотель, Новый

Завет или Аквинский); добродетель есть качество, которое полезно в достижении успеха на земле и на небе (Франклин)» [2, с. 252]. В этой фразе дан на самом деле «краткий обзор» тех концепций добродетели, которые разбирает Макинтайр по ходу работы. Поддержания ролей в героическом обществе необходимо для того, чтобы зафиксировать успешное разделение труда и мотивировать каждого из индивидов к наилучшему выполнению его роли. Существование в полисете требует представления об общечеловеческом телесе для того, чтобы создать возможность договариваться и достигать общего блага. Высокая конкурентность капиталистического общества формирует соответственно и этику, которая нацелена, прежде всего, на успех в любых условиях. Мы можем увидеть, что добродетель каждый раз задается какой-то социальной необходимостью.

Анализ Макинтайра, однако, будет неполным, если мы остановимся только на сопоставлении типов общества определенным типам морали. Для того же чтобы увидеть здесь именно этическую концепцию нам нужно прояснить как человек принимает на себя ту или иную концепцию морали и начинает судить себя (и окружающих) с ее позиций. Ответ на это вопрос дается Макинтайром в его концепции нарратива. Понятно, что Макинтайр будет говорить о том, что индивид всегда обладает достаточно большой свободой для того, чтобы принимать или не принимать концепции, унаследованные от его семьи или культуры. Это вместе с тем не уничтожит окончательно главной слабости всего подхода, а она заключается в том, что Макинтайр в своем анализе не предусматривает каким образом сами индивиды в их взаимодействии могут порождать мораль. Человек у Макинтайра всегда имеет дело с уже сложившейся социальной структурой и уже сложившимися концепциями добродетели. Он может принимать их целиком, комбинировать разные части разных концепций. Но и социальная структура и (соответствующая ей) концепция добродетели всегда как бы предсуществуют. В этом смысле то самое взаимодействие, которое и породило это общество с его представлением о добродетели остается за скобками. Та самая социальная структура, из которой выводится мораль точно также предсуществует нарративу индивида и взаимодействию этого индивида с другими.

Концепция нарратива объясняет, как моральные установки, сложившиеся в конкретном сообществе и отвечающие целям его воспроизводства, принимаются индивидом в качестве его собственных норм. Вместо абсолютных и универсальных норм, мы имеем дело только с определенным контекстом, в котором индивид формулирует и проговаривает собственную историю. Однако, вместе с тем, мы

должны заметить, что Макинтайру все же не удается окончательно связать производство концепций добродетели и самого первичного процесса социального взаимодействия. Анализ происхождения социальные структур, свойства которых находят свое воплощение в концепции добродетели, не состоялся.

Собственно, очень похожую логику связывания этики с устройством конкретных сообществ мы можем проследить у Фуко. Здесь, конечно, надо сразу сказать о том, что это только один аспект его мысли. Мы обращаемся к работам Фуко на протяжении всей работы в разных контекстах. Однако, в этом параграфе мы будем говорить именно о его сопоставлении концепции

Размышления очень похожие по сюжету на то, что делает Макинтайр мы можем найти в «Истории сексуальности». Правда, говоря об «Истории сексуальности» нужно понимать, что эта работа не посвящена этике в чистом виде, предмет «Истории» — это все же ответ на вопрос о том, как конструируется понятие сексуальности и почему сфера полового поведения становится важнейшим объектом морального внимания. Сексуальность становится предметом морального регулирования, потому что сексуальные удовольствия опасны, они более всего способны управлять индивидом, подавляя его собственную волю. Но с достаточно специфическими отношениями, в которых находится индивид сам с собой: это борьба со своей личностью и отдельными ее составляющими. И предметом «заботы о себе» является вообще способность индивида к некоторой спонтанности, к возможности изменять себя вопреки любому влиянию и, в особенности, влиянию собственной личности. Пусть забота о себе осуществляется не об определённой «налично-данной» личности, личности, которая бы обладала некоторым набором свойств (индивидуальных или социальных). Но забота о себе, прежде всего, сводится к заботе о возможности самообладания, о способности индивида самостоятельно определять свое поведение.

Отвечая же на вопрос о том, почему сексуальность регулируется различным образом, и почему она регулируется вообще, Фуко показывает ту глубокую связь, которая существует между ценностью самоконтроля и социальной структурой античного общества. В анализе Фуко будет неоднократно проговариваться связь управления собой и управления домом, управления людьми. Тот, кто может управлять собой — может управлять и людьми. Гражданин должен управлять рабами и хозяйством, должен иметь умение нести ответственность перед другими гражданами и быть им предводителем. Поэтому управление собой важно как подготовка к роли гражданина и

его необходимое условие. Особенно сильно эта связь видна там, где речь идет о политике и осуждении поведения (в т. ч. полового) тиранов и правителей. Наиболее остро эта позиция проявляется в замечании о платоновском государстве: Платон говорит о том, что если философ не может найти идеальный полис, которым он может управлять — ему следует управлять хотя бы собой. Это вообще в какой-то степени логика замещения: невозможность реализации себя в качестве правителя замещается на то, чтобы управлять самим собой. Понятно, что это лишь один пример, к тому же очень конкретный, не имеющий свойства общего правила, однако, он очень наглядно вскрывает связь с социальным.

Это пример лучше всего вскрывает то место, где происходит сочленение индивидуальной свободы и ее социального воплощения. Мы имеем дело с одной стороны с индивидом, который может управлять собственным поведением, собственными страстями. Но это самоуправление ценно не столько само по себе, оно ценно более всего потому, что является необходимым для поддержания определенного социального устройства: «Организация полиса, характер законов, формы воспитания, способ действия правителей — все это, естественно, важные факторы, влияющие на поведение граждан. Но, в свою очередь, свобода индивидов, понятая как власть, которую они способны осуществлять над самими собой, необходима для государства» [3, с. 124]. Способность индивида мыслить себя как свободного, управлять собственным поведением и необходимость полиса оказываются взаимно увязанными. Свобода индивида необходима для существования полиса, а существования в полисе, подразумевает необходимость проявления индивидами этой свободы.

И отсюда становится хорошо понятна трансформация заботы о себе, которая происходит при переходе к христианству и в Средневековье. Суть этого перехода заключается, конечно, не в воплощении воли к подавлению, но в изменении представления о человеке, его цели и природе. Для христианства сохранение собственной независимости не является уже достойной целью, вместо этого целью становятся определенным образом организованные отношения с Богом. В соответствии с этими отношениями или исходя из определенной трактовки этих отношений, размечается сам человек, плоть и сексуальное обозначается в качестве греховного. Таким образом, принципиально меняется предмет заботы о себе: христианин заботится не о сохранении власти над собой, он заботится о том, чтобы его личность и поступки соответствовали определенному эталону. Позже в новое время место Бога будет занято Природой или

«истинной реальностью»), и забота о себе будет заключаться уже в том, чтобы соответствовать этой природе или реальности. По существу не меняется только сам начальный импульс заботы о себе: эта забота так и осуществляется по отношению к тому, что в данном обществе размечается в качестве цели собственного существования.

Таким образом, меняется общество и вслед за ним меняется и предмет «заботы о себе». Собственно, именно это и следует из функции морали, о которое мы цитировали ранее: «конституирование себя, как «морального субъекта», в которой индивид отграничивает часть самого себя, составляющую объект этой моральной практики». Просто оказывается, что это конституирование осуществляется индивидом не самостоятельно, но задается тем сообществом, в котором индивид существует.

Здесь, мы можем увидеть, что у Фуко происходит не только сопоставление морали с природой человека, но сопоставление концепции природы с тем обществом, в котором она существует. Вместе с тем, мы говорим о проекте Фуко, как все-таки об имманентной этике. Такая категоризация обосновывается не только тем, что здесь невозможно мыслить этику обоснованную трансцендентными ценностями (наоборот, мы можем проследить, как появляются и становятся необходимыми представления об этих ценностях), но и прежде всего тем, что мораль у Фуко сопоставляется с самим конструированием индивидом себя в качестве личности. Мораль целиком и полностью выстраивается из отношения индивида к самому себе, источником и главной целью которого является сохранение способности индивида владеть самим собой. Однако, норма, лежащая в основании этики, обоснована социально, причем речь по сути не о социальном процессе, а о текущем статичном состоянии сообщества.

Таким образом, нам стоит подвести определенный итог нашего рассмотрения попыток построения имманентных этик. Говоря в общем, мы можем констатировать, что нами были рассмотрены два подхода к построению имманентной этики. Смысл первого подхода заключается в сведении должного к свойствам или качествам индивидов, здесь должное определяется как лучше соответствующее сущности или природе индивида. Такой подход мы могли пронаблюдать у Шефстбери, Делеза, в практике менеджмента. Второй подход заключается в сопоставлении морали и социальной структуры. В соответствие с этой структурой строится концепция добродетели, задающая конкретную этику. Это подход мы видели в работах Макинтайра и Фуко.

Мы должны признать, что оба этих подхода не кажутся нам удовлетворительными. В обоих случаях, этика определяется чем-то, что уже существует, она представляет собой продолжение этого способа существования, реализацию некоторого неэтического содержания, но не схватывается в качестве способа события. Отсылаем ли мы к природе человека или к свойствам социальной структуры, мы в любом случае имеем дело с обоснованием этики тем, что уже было произведено в процессе социальности. Сам же процесс в таком случае остается за скобками. Кстати, интересно, что оба подхода предполагают некоторую прокладку между собственно этикой (суждением о должном) и тем, на что она должна опираться. Это либо «лучшее и худшее», либо концепция добродетели, которые опосредуют связь между этикой и существованием индивида. В итоге, мы не можем говорить о том, что в каком-либо из этих подходов реализована задача построения имманентной этики.

Список литературы:

1. Делез Жиль. Спиноза // Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М: ПЕР СЭ, 2001 — 480 с.
2. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. — 384 с.
3. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности т. 2. — СПб, Академический проект, 2004 — 432 с

РЕКЛАМА КАК ГЕНЕРАТОР ФАНТАЗМОВ В «ДАР» ОТ «ОБЩЕСТВА ПОСТИДЕОЛОГИИ»

Жигунина Лира Владимировна

*соискатель уч. степени канд. филос. наук, ассистент кафедры
социальной философии философского факультета КФУ, г. Казань*

E-mail: lira-zhigunina@yandex.ru

*Работа выполнена при поддержке гранта АН РТ № 16-19 /
2012 (Г)*

Ж. Бодрийяр в «Системе вещей», обосновывая тезис о том, что реклама наделяет вещи ролью наших любовников, делает любопытный вывод: «Реклама, как и вообще все «паблик рилейшнз», своей огромной заботливостью облегчает нашу психическую неустойчивость, и в ответ мы интериоризируем эту попечительную инстанцию, эту сверх-фирму, производящую не просто материальные блага, но и теплоту общения; иными словами — все общество потребления как целое» [1, с. 142]. Более того, эта интериоризация является для нас «даром», потому что реклама — единственный продукт современного общества, который не продается, а подается, преподносится, дарится. Так, мы как бы дарим общество потребления, этот своеобразный бренд, самим себе через рекламу, мир абсолютно «ненужного, несущественного, мир чистой коннотации» [там же, с. 136].

Реклама суть нечто избыточное по отношению к системе вещей, без которой не может быть этой системы; это позволяет ей быть и дискурсом вещи и собственно вещью одновременно. Реклама — это циничное лакановское Реальное. Она за пределами системы символического универсума, но факт этой запределности есть всего лишь игра, самореклама, нацеленная на создание и поддержания имиджа рекламы как источника власти. Свойство быть запределной системе дает рекламе право создавать такую форму жизни, как утопия. Более того, реклама не только создает ее, но и сама является, в той или иной степени, утопическим проектом. Находим у Бодрийяра похожую мысль: «В силу почти исключительно вторичного характера своей функции, в силу высокой степени аллегоричности своих образов и слов реклама образует идеальный, особо показательный предмет системы вещей» [там же]. Рекламой поддерживается идея того, что она бессмертна, потому что только когда «все производство и потребление будут приведены в предустановленную гармонию со всеми желаниями

и усилиями, тогда реклама ликвидирует саму себя собственным успехом», [2, с. 258] что, разумеется, вообразимо, но не достижимо на сегодняшний день. Примечательно, что смерть рекламы для нее будет наивысшей точкой развития, победой; этот парадокс является следствием ее сущности, которая состоит в избыточности по отношению к системе. «Да, я не нужна вам, я признаю это, но вам без меня никак, ведь жизнь со мной ярче и насыщенней, и проще раскрасить серые будни теплыми красками», — бессловесно признается любой рекламный продукт. Рекламный мир — это, безусловно, страна мифов и сказок. «С экрана телевизора, со страниц журнала на нас смотрят прекрасные девушки, симпатичные младенцы, мужественные мужчины. Да и весь мир, в котором они живут — это сказочный, радостный мир, это мир праздника. Там нет проблем серьезнее, чем появление перхоти или кариеса. ... В рекламном зеркале человечество выглядит куда лучше, чем на самом деле: там не воюют, не убивают, не бастуют, не объявляют голодовок, не ссорятся и не плачут. Там улыбаются. Реклама предлагает нам пожить какие-то мгновения в этом нереальном мире, наполненном красотой, любовью и радостью — всем тем, чего так мало в нашей реальной жизни. Там жизнь идет по другим, неведомым нам, очень справедливым законам. Там останавливается «прекрасное мгновение»...» [3]

«Мэдисон-авеню занимается не столько кошельком потребителя, сколько его душой» [там же]. В обмен на даруемую рекламой «теплоту», мы позволяем реальности общества потребления господствовать над нами, окружая себя иллюзией безопасности, комфорта и успешности — всех тех даров, который преподносит нам реклама. По сути, реклама, будучи чуть ли не единственным на сегодняшний день возможным способом существования идеологии, — это одно из проявлений того цинизма, о котором писал С. Жижек в «Возвышенном объекте идеологии». Мы знаем о том, что реклама искажает все, о чем говорит и показывает, но все равно верим ей. «Субъекты больше не верят, но за них верят сами вещи» [4, с. 41]. Реклама как идеология детерминирует не только представления людей, но и их действия. Так, реклама — это генератор фантазмов. «Если пользоваться классическим пониманием идеологии, относящим иллюзию исключительно к сфере «знания», то современное общество выглядит как постидеологическое: преобладает идеология цинизма; люди больше не верят в идеологические «истины»; они не воспринимают идеологические утверждения всерьез. Однако фундаментальный уровень идеологии — это не тот уровень, на котором действительное положение вещей предстает в иллюзорном виде, а уровень (бессознательного) фантазма, структурирующего саму

социальную действительность» [там же, с. 40]. Работа фантазма заключается в том, что современное общество именно *выглядит* как постидеологическое: фундаментальный уровень идеологии никуда не исчезает и через масс-медиа воспроизводится, воздействуя на воображаемое, кодируя потоки желания, в том числе и желание бытия за пределами всякой идеологии. Массовая культура через масс-медиа, при помощи «паблик рилейшнз» и рекламы, поддерживает саму себя через фантазмы успешности, счастья, благополучия, комфорта и сексуального желания, постоянно присутствующие в рекламе и реалити-шоу.

Цинизм медиареальности, как и цинизм любой идеологии сегодня, состоит в том, что она признается нам в своем цинизме и иллюзорности, но в обмен на эту «честность» она отнимает у нас право смотреть в бездну Реального и начинает выполнять функцию защитника нашего сознания от попытки заглянуть за пределы реальности, играя роль единственного проводника Реального, которое все-таки где-то существует, но где именно, — большая тайна, либо генерируется самими медиа, в частности, рекламой. «С точки зрения реальности, реальное — всего лишь бесформенное пятно, а воображаемое реальное размывает контуры «реальности» [5, с. 119]. Постидеология, таким образом, — состояние триумфа идеологии, когда мы осознаем, что никакой постидеологии не существует, но продолжаем верить в ее существование, скептически взирая на свою онтологическую пустоту, преподносимую нам медиа.

Нам близок философский подход к пониманию рекламы, позволяющий «выявить многоуровневость и многозначность рекламы как сложного социокультурного явления, формирующегося и развивающегося как важнейший механизм социализации и идентификации личности, конструирующего новые типы социальных отношений, новые ценности и идеалы, характерные для современного общества массового потребления» [6, с. 148]. В рамках философского подхода реклама предстает как «безграничный резервуар культурных символов, мощнейший генератор и транслятор самых различных смыслов и значений» [там же]. Являясь генератором и транслятором смыслов, реклама — это визуальная стратегия масс-медиа, которая, наряду с PR-политикой, работает как стратегия власти «по принципу визуального симулярка, конструирующего гиперреальность» [7, с. 27]. Властное воздействие выражается в роли рекламы как ориентира в мире моды и дизайна, товаров и услуг, формирующего вкусы и желания, причем этот процесс «ориентирования» и «формирования» преподносится, «дарится» помогает индивидам. Зачастую, эта «помощь» нам навязывается с помощью специальных

манипулятивных средств: зрелищности, яркости образов, гиперболизации реальности, выразительности. Нужный бренд фиксируется в сознании, благодаря принципу прерывности, действующему в любой рекламе, и, конечно, слогану — меткой и емкой фразе в конце, например, рекламного ролика. Применяются и такие манипулятивные техники, как грамотная игра переходов заднего и переднего, крупного и среднего плана, возвращение к началу, повторы — всё это безотказно действует на бессознательное, конечно, в случае удачно смонтированного ролика.

Важно, что в хорошей рекламе сам рекламируемый объект находится на заднем плане и появляется только в конце ролика или написанного текста: нам не продают краску для волос «Wella», крем «L'Oréal Paris» или очередную модель «BMW», мы получаем в дар молодость, успешность, статус, красоту, то есть определенный набор фантазмов, символических ценностей. Разумеется, властная стратегия рекламы проявляется и в господстве эстетически прекрасной формы, в которую облекается калейдоскоп рекламных образов, прикрывающий саму сущность рекламируемого объекта, да и вопрос о сущности остается открытым: в лучших традициях философии Ж.-П. Сартра [8] существование объекта рекламы предшествует сущности, она может вообще не существовать или создаваться потребителем. О чем тот или иной ролик, можно никогда правильно не понять.

Рекламируемый объект — это всегда не средство, а цель, наделенная символической ценностью: эта подмена-манипулятор статусов позволяет сделать рекламный продукт еще успешней, например, цель кухонного комбайна «Magic Bullet» не нарезка, измельчение, смешивание продуктов, а экономия сил и времени, столь ценных в наше время. Созерцая рекламу, индивид-потребитель в большинстве случаев вообще не осознает, что происходит с его сознанием, но главный парадокс заключается в том, что осознанные решения могут приниматься неосознанно, как результат свободного выбора. Впрочем, вспоминая, что реклама — это создатель фантазмов, все становится на свои места: реклама нужна нам, конечно, не только как навигатор в мире новых товаров и услуг и набор эстетически приятных глазу образов, но как источник веры в идеальный мир совершенных объектов, которые способны одарить нас теплотой общения с ними и сделать нас лучше. «Не дай себе засохнуть» — слоган «Sprite», который можно, с философской точки зрения, сделать слоганом любого рекламного продукта: живи иллюзией, не умирай. Правда жизни в том, что в ней есть счастье, если есть объект желания, l'objet petit a.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Изд-во «Рудомино», 1995. 218 с.
2. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
3. Феофанов О. А. Философия и эстетика рекламы // Реклама: новые технологии в России [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://business.polbu.ru/feofanov_advert/ch10_ii.html (дата обращения: 02.08.2012)
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
5. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. С. 119—128.
6. Водопьянова Н.А. Философия рекламы в контексте социогуманитарного знания // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 5. С. 146—149
7. Румянцева А. А., Савенкова Е. В. Визуальные стратегии власти: реклама как самоорганизация глупости или один из феноменов массмедиа. Mixtura verborum' 2008: небытие в маске : сб. ст. / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008. С. 26—34.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319—344.

АКСИОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Набиуллина Флюза Рамазановна

старший преподаватель ТюмГНГУ, г. Тюмень

E-mail: flyuza@mail.ru

Ценностные основания деятельности ученых и результатов, которых они достигают, заключаются в эмоциональной сфере ученых, в их характеристиках как личностей, в способности оценивать различные аспекты деятельности. Аксиология отношений научно-исследовательской деятельности недостаточно разработана, требует более комплексного, расширенного исследования.

Связывать научную деятельность с миром человеческих эмоций не принято. Ученый рассматривается как эмоционально нейтральная личность по отношению к своей деятельности. В связи с этим, тема

аксиологические аспекты науки недостаточно освоена. А если она и затрагивается, то в большинстве своем в связи с нравственными проблемами научного познания.

Считается, что наука объективна. Но в связи с тем, что ею занимаются люди, обладающие теми или иными личными качествами, нельзя игнорировать нравственный аспект деятельности ученого.

В литературе выделяются три сферы взаимодействия науки и нравственности. Первая сфера — соотношение науки и ученых с применением их открытий в практической повседневной жизни. Вторая — внутринаучная этика, т. е. нормы, ценности и правила, которые регулируют поведение ученых в рамках их собственного сообщества. Третья — некое «срединное поле» между научным и ненаучным в самых разных областях [4, с. 417]. В основе нравственности находится способность человека оценивать свои и чужие поступки.

Научную деятельность нужно рассматривать как процесс и как результат. В первом случае речь идет о мотивации ученого, о его общественном признании, во втором — ценностные аспекты научного знания.

Человек не способен жить без ценностной ориентации, поскольку она относится к внутреннему миру личности, его эмоциональным переживаниям, его интересам, стремлениям. Благодаря ценностной ориентации человек отделяет значимое от незначимого, целесообразное от бессмысленного, плохое от хорошего. Ценности являются своеобразным ориентиром в самореализации человека. Важнейшим элементом ценностного сознания является ценностная оценка, то есть это оценка того или иного предмета, вещи, процесса, идеи. Аксиологическая оценка выражается в ценностном суждении.

В литературе отмечается возрастание роли ценностного фактора в науке. Ценностный, аксиологический подход в науке — явление не бесспорное. Ориентируясь на объективность, наука тщательно стремилась избежать оценочности, субъективизма, измерений по шкале «плохо-хорошо». Наука, не имеющая запретных тем и избегающая моральных аспектов в исследовании, долгое время оставалась свободной от ценностей. Истоки формирования чистой, безоценочной науки восходят к Галилею и Бэкону, выступавшим за ее автономность, нейтральность. Однако наука утверждала собственные ценности: разума, опыта, знаний, истины, свободы исследования, субъекта, объекта, той или иной методологии, самой познавательной активности и т. д. [1, с. 425—426].

Создание атомной бомбы, новейшие разработки в медицине, молекулярной биологии, генетике и другие результаты научной деятельности заставили пересмотреть ее ценностные основания. Поскольку речь идет о таких исследованиях, которые угрожают жизни, здоровью человечества и природы. В связи с этим возрастает проблема нравственного уровня развития самого ученого, творчество которого способно направить весь арсенал современной науки в указанном им направлении. С другой стороны, ученые, проводя исследования, выполняют государственные задания, поручения, в связи с этим они зависимы и не имеют возможности альтернативы действий, решений. Открытия в области генной инженерии, возможность клонирования способны качественно изменить человека и человечество, расширить их возможности, продлить жизнь, активность, уничтожить болезни — и одновременно могут вызвать разрушительные последствия.

Следует согласиться с тем, что важно не забывать, что общество — это люди, общественные законы — это законы деятельности людей. Неспособность увидеть это приводит к тому, что люди превращаются в Идею, в Принцип. Подобное заблуждение опасно: оно оборачивается неуважением к человеку, стремлением любой ценой — ценой бесчисленных человеческих жизней — воплотить Идею в жизнь [2, с. 444]. Поэтому порой ценность имеет не личность ученого, не общество, а результат, который требуется определенным субъектам, независимо от того какие последствия он будет иметь.

Любой, кто серьезно относится к науке, — либо сам занимаясь научными изысканиями, либо используя достижения науки, — попадает в ситуации своеобразного выбора, который приходится делать. Занятия наукой вырабатывают определенное ценностное отношение к миру. Подлинный ученый, как правило, высоко ценит логическую дисциплину ума, способность обосновывать делаемые выводы, стремление к истине, достоинства теории и эксперимента. Вместе с тем никакая наука не спасает от догматизма и от неоправданного преклонения перед авторитетами, если ученый не обладает необходимыми свойствами характера, порядочностью, честностью, мужеством [3, с. 291].

Обратимся к понятию ценность. Ценность (значимость чего-либо для кого-либо) — это философская (аксиологическая) категория, которая обозначает материальные или идеальные сущности (вещи, процессы), приносящие в жизнедеятельности человека, общества благо при их использовании. Существует другая трактовка, согласно которой ценность — это понятие, указывающее на культурное, общественное или личностное значение (значимость) явлений и фактов

действительности. Все многообразие мира может выступать в качестве «предметных ценностей», т. е. оцениваться с точки зрения добра и зла, истины и лжи, прекрасного и безобразного, справедливого и несправедливого и т. д. [5, с. 606].

В литературе справедливо отмечается, что такие явления, как, например, зло, социальная несправедливость или политическая реакционность, — не ценности. Поскольку они не полезны и не ценны для личности и для общества в целом. Нельзя всякую значимость интерпретировать как ценность. Ценно то, что имеет положительную значимость. Ценностным является то, что служит общественному прогрессу.

Существует лишь небольшая часть людей, которая стремится в научной деятельности к высокому. Другие же довольствуются общественным признанием, превосходством. Остальные видят в этом материальную выгоду. Научная деятельность связана с эмоциональными переживаниями, которые испытывает ученый. Научные знания появляются не только благодаря интеллектуальным усилиям, но и интеллектуальному удовольствию. Таким образом, диапазон мотиваций научной деятельности широк. Следует помнить, что ответственность за применение достижений науки в первую очередь несут сами творцы науки, ученые. Никто не может лучше ученых осознавать положительные или отрицательные последствия создаваемых ими результатов научной деятельности. Наука способствует развитию общества, она не должна приносить вред человечеству. Она призвана улучшать условия жизни. Однако, это зависит от самого общества, от людей, от их ценностей, стремлений, нравственности. Поэтому приоритетное значение должны иметь такие понятия, как счастье, добро, справедливость.

Аксиология отношений в научно-исследовательской деятельности рассматривается по-разному в гуманистическом мировоззрении и в естественнонаучном. Так, для естественнонаучного мировоззрения характерно рассмотрение ценностей как цель или средство. В гуманистическом мировоззрении ценностями являются человек, его свобода, счастье.

Ценностью может быть сам человек, его образованность, профессионализм, личностные качества, мораль и в то же время ценностью может являться результат, который достигается в ходе научной деятельности.

Таким образом, ценностные основания научно-исследовательской деятельности напрямую зависят от личности ученого, от его нравственности, эмоциональной сферы, интересов и

других качественных характеристик. Именно от ученого зависит результат исследований — положительный или отрицательный по значимости для общества, человека и природы. В то же время необходимо отметить, что ценностью могут также выступать научные знания, то есть достижения науки, результаты научной деятельности.

Также следует отметить, что в будущем необходимо будет разрешать проблему использования достижений науки, которые могут нанести большой вред человечеству. Речь идет об исследованиях, угрожающих жизни, здоровью человека и природы. Ценно то, что имеет положительную значимость. В связи с этим можно привести справедливые слова французского философа М. Монтень, который отмечал: «Тому, кто не постиг науки добра, всякая наука приносит лишь вред».

Список литературы:

1. Баева Л. В. Философия: основной курс: учебник для вузов / Л. В. Баева, П. Л. Карабущенко, П. Е. Бойко, Н. В. Гришин / под науч. ред. Л. В. Баевой. — Астрахань: Астраханский университет, 2007. — 439 с.
2. Бессонов Б.Н. Философия. История и современные задачи: Учебник для вузов. — М.: Норма, 2006. — 560 с.
3. Канке В. Е. Философия. Исторический и систематический курс: учебник для вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. — М.: Логос, 2006. — 376 с.
4. Кохановский В.П., Золотухин Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б. Философия для аспирантов: учебное пособие. Изд. 2-е. — Ростов н/Д: Феникс, 2003. — 448 с.
5. Философия: учебник для вузов / под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 622 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЙ

Тухбатова Аделия Юрисовна

аспирант БашГУ, г. Уфа

E-mail: adelya-solnce89@mail.ru

Реформирование российской экономики заложило фундамент развития предпринимательства. Его функционирование происходит в нестабильной внешней среде, в условиях изменений законодательства и соответствующих нормативных актов, отсутствия последовательной политики поддержки бизнеса, с сохранением элементов монополизма, что вынуждает предпринимателей искать новые подходы для осуществления своей деятельности, выживать и развиваться, используя возможности, заложенные в самих организациях.

Бизнес неразрывно связан с коммуникациями. Деловые отношения реализуются посредством постоянного взаимодействия с реальными и потенциальными потребителями, партнерами, конкурентами, общественностью, в ходе которого выявляются различные мотивы, интересы, противоречия, особенности участников, информация о которых позволяет бизнесу совершенствоваться и иметь перспективы роста.

Основа успеха в бизнесе, как известно, — длительные и постоянные деловые связи. Такие деловые отношения формируются в процессе коммуникации, где закладывается их основа и получает дальнейшее развитие сотрудничество и партнерство. Рассматривая бизнес-коммуникации на мезоуровне социального взаимодействия в сфере предпринимательства, отметим, что именно от того, насколько доверительны и надежны отношения партнеров (особенно, в условиях дефицита информации и нестабильности экономической ситуации в стране), зависит успешность бизнес-деятельности.

Важным вопросом для понимания сущности современных бизнес-коммуникаций становится вопрос об агентах, осуществляющих активные действия в коммуникационном поле. Уже общим местом стало понимание того, что не властные или иерархические позиции являются ресурсом для успешных действий в поле коммуникаций. Очень точно имя «люди воздуха», данное А. Неклессой [3] новому типу людей, людей, живущих в коммуникационной и семиотической среде, чьей компетенцией становится управление смыслами и

знаниями. Это люди, которые используют не ресурс власти или денег, но ресурс собственного и коллективного интеллекта.

Как коммуникационные технологии связаны с новым, постиндустриальным общественным укладом, так и агенты коммуникации входят в элиту постиндустриального общества. Эта элита иначе организована, чем прежняя, индустриальная элита. Постиндустриальная элита создает и обустроивает собственную социальную инфраструктуру.

На современном этапе развития российского бизнеса и формирования делового сообщества к бизнес-коммуникациям предъявляются особые требования, актуализирующие не просто их прагматичность, что приветствуется в бизнесе, но и социальный прагматизм, который указывает на меру готовности субъекта к партнерству и к социальной ответственности.

Изучение бизнес-коммуникаций дало основание для вывода, что ряд характеристик деятельности предпринимателя, а именно: поведение субъекта деловых отношений в условиях поля формальных и поля неформальных бизнес-коммуникаций, соблюдение им норм морали, принятие соответствующих социальных ролей дает основания для выделения типов социальной идентичности, проявляющихся в бизнес-коммуникациях.

Проблема идентичности является предметом пристального внимания, становится востребованной и быстро развивающейся отраслью знания. З. Бауман пишет, что «идентичность» является призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни [1]. Чаще всего изучаются такие виды идентичности, как социально-статусная, национальная, этническая, гендерная.

Своеобразным парадоксом российского бизнеса является неоднозначность социальной оценки действий бизнесменов. В первую очередь, эта проблема проявляется в бизнес-коммуникациях, когда, с одной стороны, коммуникативные практики бизнесменов в контексте культуры нашего общества могут оцениваться негативно, но с другой — в рамках бизнес-деятельности считаться вполне легитимными.

Разделение бизнес-коммуникаций на поле формальных и поле неформальных отношений является фактором формирования особых типов социальной идентичности в бизнесе, которые основаны на ролевом поведении бизнесменов в процессе делового общения.

Индивид относит себя к определенному социальному классу, осознает свой статус, место и роль в деловом окружении. Однако,

в процессе бизнес-коммуникаций его действия зачастую идентифицируются с точки зрения некоего совокупного образа, объединяющего в себе и поведенческий аспект, и культуру личности в целом, и уровень коммуникативной и социальной компетентности.

К факторам формирования социальной идентичности в бизнес-коммуникациях относятся: отношение бизнесменов к неформальным коммуникативным практикам, цель и формы участия в неформальных коммуникациях, уровень коммуникативной компетентности бизнесмена, профессионализм. Как показывает практика участники бизнес-коммуникаций стараются сохранять идентичность во всех коммуникативных ситуациях в деловых отношениях, независимо от того, положительную или негативную социальную оценку получает их поведение. Это стремление отражается в коммуникативной стратегии, которая в каждой конкретной ситуации должна быть направлена на поддержание выгодной формы отношений.

Социально-прагматичные бизнес-коммуникации способствуют поддержанию существующего порядка и существенно снижают неопределенность в деловых отношениях. На этом основании можно полагать, что коммуникативная стратегия актора, которым является бизнесмен, предполагает обращение к социально значимым факторам, которые оказывают позитивное воздействие на процесс коммуникации и формирует благоприятные перспективы бизнеса. Таким образом, в коммуникативной стратегии проявляется социальная идентичность бизнесмена в деловых коммуникациях.

В российских бизнес-коммуникациях основой для выделения типов социальной идентичности является отношение бизнесмена к формальным и неформальным коммуникативным практикам. Отметим, что сущностной характеристикой неформальных коммуникативных практик является социальный прагматизм. Это означает, что коммуникация в целом ориентирована на достижение тех благ и получение выгод, которые положительно оценены социальными группами, обществом; а это возможно в том случае, когда предмет и цель коммуникации несут в себе социальные ценности и блага, например, сохранение порядка, обеспечение безопасности, дополнительные возможности для развития и воспитания детей и т. д.

В социально прагматических коммуникативных практиках действия субъекта бизнес-коммуникаций ориентированы на совместное достижение цели и носят характер взаимовыгодного сотрудничества, содействия. Понятие «совместное достижение цели» в рассматриваемых видах коммуникативных практик предполагает, что цель данных действий направлена на решение социально значимых

проблем, но исключительно путем договоренностей, взаимных уступок и других способов, легитимных в деловом сообществе. Следовательно, в сознании индивидов существуют устойчивые представления о целедостижении, о логике постановки деловых целей и возможностях их реализации. Важно обратить внимание на то, что способы достижения целей могут осуждаться с точки зрения общественной морали, однако, в рамках конкретного сообщества они вполне приемлемы и соответствующим образом идентифицируются в рамках постсоветских бизнес-коммуникаций.

Итак, на основе распределения по целям социально прагматических коммуникативных практик, отношения к формальным / неформальным коммуникациям в бизнесе, мы можем выделить типы социальных идентичностей в бизнес-коммуникациях:

- «кооператоры» — бизнесмены, ориентирующиеся на сотрудничество и организацию совместных мероприятий;
- «мошенники» — бизнесмены, которые для решения текущих вопросов отдают предпочтение неформальным коммуникациям; основа коммуникации — предложение взятки;
- «продвигающие» — коммуникативная практика активно сопровождается рекламой собственного бизнеса или мероприятия;
- «компанейские» — бизнесмены, отдающие предпочтение неформальным коммуникациям, т.к. коммуникативные практики сопровождаются застольем, посредством которого достигаются коммуникативные цели;
- «стратеги» — бизнесмены, для которых коммуникативные практики связаны с возможностью выгодных знакомств и перспективами бизнеса;
- «дарители» — бизнесмены, отдающие предпочтение неформальным коммуникациям с целью дарения и получения выгоды;
- «тактики» — бизнесмены, использующие ситуации неформальных коммуникативных практик для оказания услуг, которые в дальнейшем создают предпосылки для социального обмена.

Выделенные типы социальных идентичностей в бизнес-коммуникациях указывают на предпочитаемые субъектами бизнес-коммуникаций способы достижения коммуникативной цели, а также на эффективные модели поведения в бизнес-коммуникациях. Отметим, что последние преимущественно относятся к сфере неформальных бизнес-коммуникаций и показывают возможность накопления социального капитала. Выбор способа решения проблем зависит от внешних факторов влияния (например, правовая и юридическая основа предпринимательской деятельности) и от ряда субъективных факторов

(навыки общения, уровень социальной, профессиональной и коммуникативной компетентности). Это дает основания согласиться с российским социологом Г. Дилигенским, что в этих условиях социальная идентичность индивида теряет былые свойства «внешней» объективной данности, выступающей в виде социального происхождения, формальной профессии и т. д., и становится чем-то приобретаемым или заново подтверждаемым (в результате собственных усилий или счастливого совпадения обстоятельств). «Эта идентичность является показателем меры, в какой постсоветский человек решает главную свою проблему — адаптации к социально-экономическим условиям «дикого капитализма» при отсутствии каких-либо институциональных гарантий материального положения и даже простого выживания» [2].

В заключение отметим, что феномен социальной идентичности в бизнес-коммуникациях является характеристикой предпочитаемого субъектом бизнеса способа достижения коммуникативной цели и отражает модель поведения в бизнес-коммуникациях, а также косвенно указывает на уровень коммуникативной и профессиональной компетентности и дает основания для качественного анализа структуры современного делового сообщества.

Список литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М., «Логос», 2002. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/baum/index.php (дата обращения 19.06.2012 г).
2. Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение». — 2002. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pow_pec/di0011061 (дата обращения 19.06.2012 г).
3. Неклесса А. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka%202004/ordo-quadro/ (дата обращения 19.06.2012 г)

3.2. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА, МЫШЛЕНИЯ И СОЗНАНИЯ

Кормочи Елена Александровна

*канд. филос. наук, доцент, КамГУ им. Витуса Беринга,
г. Петропавловск-Камчатский
E-mail: kormochi@mail.ru*

*Работа выполнена в рамках государственного задания
Министерства образования и науки Российской Федерации ФГБОУ
ВПО «Камчатский государственный университет имени Витуса
Беринга» на 2012 год, проект 6.2633.2011*

Вопрос о взаимоотношениях между языком, сознанием и мышлением является весьма актуальным и затрагивающим интересы философии, лингвистики, психолингвистики, психологии и других отраслей знания. Подавляющее большинство исследователей данной проблемы признают несомненной связь между языком и мышлением, однако по-разному понимают природу этой связи. Существует несколько подходов к решению данного вопроса.

Сторонники первого подхода считают, что мышление непредставимо без языка. Подобную точку зрения можно проследить в концепциях И. Канта, В. фон Гумбольдта, М. Мюллера, Ф. Э. Шлейермахера, Ф. де. Соссюра, А. Ф. Лосева, А. А. Реформатского и других философов и лингвистов. Так, Гумбольдт пишет: «Язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность — совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно — посредством звука речи материализуется и становится доступной для чувственного восприятия. Деятельность языка и мышления представляет поэтому неразрывное единство. В силу необходимости мышление всегда связано со звуком языка, иначе оно не достигает ясности и представление не может превратиться в понятие. Неразрывная связь мышления, органов речи и слуха с языком обуславливается первичным и необъяснимым в своей сущности устройством человеческой природы» [3, с. 78].

У сторонников данной точки зрения отсутствует необходимая ясность относительно того, как обеспечивается неразрывность разных по природе (идеальной и материальной) сущностей, а также нет

достаточно убедительных доводов, направленных на устранение противоречий между положением о невозможности мышления без языка и реальным наличием разных типов мышления.

Сторонники второго, противоположного подхода к данной проблеме утверждают возможность существования определенной мыслительной деятельности без участия языка. Эту точку зрения разделяют многие психологи, лингвисты и философы, в их числе — Ж. Пиаже, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, А. А. Потебня, Ж. Вандриес, Б. А. Серебренников, Б. Рассел, Д. И. Дубровский и др. Так, А. А. Потебня пишет: «В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но в начале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его, как не удовлетворяющее ее требованиям и как бы потому, что не может вполне отрешиться от чувственности, ищет опоры в произвольном знаке» [1, с. 80]. А. А. Потебня указывал, что свидетельством несоответствия языка и мысли является тот факт, что творческая мысль живописца, музыканта, шахматиста невыразима словом, а в математике самые сложные понятия выражаются не словами, а условными знаками [1, с. 80]. Д. И. Дубровский в «Проблеме идеального» отрицает абсолютную вербализуемость знания: «внесловесная мысль существует и составляет непрменный компонент познавательных процессов» [2, с. 69]. У. Ф. Гормана читаем: «Соответствующие психологические свидетельства наводят на мысль, что дети в возрасте, предшествующем приобретению ими языковых навыков, имеют чувственное знание об окружающем, которое не зависит от параметров лингвистики» [12, с. 83].

По мнению сторонников данной точки зрения, при решении проблемы соотношения языка и мышления необходимо учитывать наличие так называемых несловесных типов мышления, например, наглядно-действенного (предметного) и наглядно-образного. Однако наличие таких типов мышления не опровергает первый подход. Если согласиться с тем, что типы мышления вычлняются в зависимости от единиц, с помощью которых нерасчлененный мыслительный процесс разделяется на отрезки, способные к перестановкам и комбинированию, то становится ясным: такого рода единицами могут быть лишь сущности, изоморфные по своей природе мышлению. Поскольку мышление имеет информационную природу, постольку действия, образы, звуки, формы и т. п. только в том случае могут рассматриваться как единицы мышления, если они выступают в преобразованном виде, совместимом с природой мыслительной деятельности. А так как в любом случае основным источником, питающим мышление и сознание, является все же язык, то все остальные источники соединяются с

мыслительной сферой только через его посредство, то есть с обязательным преобразованием сигналов в единицы, соответствующие традиционным языковым единицам.

Таким образом, первый подход нуждается в обобщении и уточнении, а второй — недостаточно обоснован. При этом оба подхода как бы игнорируют категорию сознания, которая теснейшим образом связана с мышлением и языком. Кроме того, на наш взгляд, в обоих подходах преобладает пришедшее из лингвистики понимание языка как системы знаков.

Для поиска оптимального решения рассматриваемой проблемы требуется, в первую очередь, определиться с понятиями «сознание», «мышление», «язык». Как отмечает Дж. Серл: «... никакая теория языка не является полной без объяснения отношения между сознанием и языком, а также того, как значение, то есть производная интенциональность лингвистических элементов, основывается на более глубокой в биологическом отношении внутренней интенциональности «сознание — мозг»» [9, с. 20].

Понятие «сознание» является более широким по объему, чем понятие «мышление». «Сознание — это высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном, оценочном и целенаправленном отражении и конструктивно-творческом преобразовании действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека» [10, с. 83]. В структуре сознания выделяются следующие секторы: телесно-перцептивный, логико-понятийный, эмоциональный и ценностно-мотивационный.

Приемлемо также определение сознания, данное В. А. Лекторским: «Сознание — состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях. Сознание противопоставляется бессознательному в разных его вариантах (неосознаваемое, подсознание и т. д.)» [5, с. 163].

Заметим, что и в отечественной, и в зарубежной философии и науке существует огромное количество различных дефиниций понятия «сознание», что, в свою очередь, требует обязательного уточнения позиции исследователя, обращающегося к данной проблеме. Мы считаем необходимым уточнить свою позицию в данном вопросе. В философской, психологической и социологической литературе под сознанием часто понимается тот высший уровень психической активности человека как социального существа, на котором реализуется целеполагание в практической и духовной деятельности,

неотделимое от самосознания и с ним зачастую отождествляемое. Сознание в этой трактовке есть «самоотчет Я в собственных действиях» [5, с. 165]. Данное определение сознания мы будем считать узким. Определение же, в котором сознание рассматривается «... как органическая целостность, включающая не только субъект-объектную оппозицию, предполагающую существование самосознательного субъекта, но и то пространство психического состояния, где данная оппозиция, а вместе с ней и способность к целеполаганию (самосознательному), еще не сформировалась» [6, с. 13] будем считать широким. С этой точки зрения сознание понимается, во-первых, как единство мыслительных и эмоционально-чувственных процессов; во-вторых, бессознательное включается в сознание. Возможно, целесообразнее было бы использовать здесь для обозначения сознания, например, термин «ментальность», а в структуре ментальности выделять сознание и бессознательное, но это выходит за пределы традиций, сложившихся в отечественной философии [11, с. 179]. По этой причине второе определение сознания мы будем считать широким. Определения узкое и широкое представляют как бы две крайние точки на одной прямой: с одной стороны, сознание как самосознание, или разум; с другой — как единство сознания и бессознательного, целостный внутренний мир человека. Если мы обратимся в рассмотренным выше определением сознания, данным А. Г. Спиркиным, А. В. Ивановым, В. А. Лекторским, то увидим, что на нашей прямой эти определения занимают места либо ближе к узкому пониманию сознания, либо ближе к широкому.

Понятие «мышление» является видовым по отношению к понятию сознания. «Мышление — процесс решения проблем, выражающийся в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата. Мышление предполагает активную конструктивную деятельность по переструктурированию исходных данных, их расчленение, синтезирование и дополнение» [5, с. 137]. В. А. Лекторский выделяет несколько видов мышления: мышление на базе восприятия, мышление с помощью наглядных представлений (сюда можно отнести мышление музыканта, писателя, шахматиста и др.), мышление на основе языка. Последний вид мышления может выражаться как в виде внешне выраженной речи, так и в виде речи внутренней. Мышление данного типа «...может быть ненаглядным, использовать понятия, непосредственно не соотносимые с восприятием или представлением. Исторически именно этот частный вид мышления — ненаглядное мышление «в уме» — считался выражением сущности мышления» [5, с. 138].

Наиболее часто употребляемым определением понятия «язык» является следующее: «Язык, система знаков, служащая средством человеческого общения, мышления и выражения. С помощью языка осуществляется познание мира, в языке объективируется самосознание личности. Язык является специфическим социальным средством хранения и передачи информации, а также управления человеческим поведением» [11, с. 816]. На наш взгляд целесообразным будет некоторое уточнение и дополнение данного определения.

Во-первых, язык есть не только у человека, но и у животных. Что же касается проблемы различия между языками человека и животных, то она «сводится не к вопросу о том, могут ли животные оперировать понятиями и суждениями (данные зоопсихологии свидетельствуют о том, что «высшие» животные могут это делать), но к вопросу о том, какова «картина мира», лежащая в основе их языка. В языке животных «картина мира» близка к миру их непосредственных восприятий, тогда как «картина мира» в языке человека простирается далеко за пределы чувственных образов» [8, с. 507].

Во-вторых, мы считаем весьма интересной мысль о том, что «Приоритет звукового языка относителен и с ним сосуществуют потенциально готовые занять его место визуально-графические, мимические и смешанные формы, а также разнообразные фигуры умолчания» [8, с. 506]. Эта мысль представляется нам важной по той причине, что по традиции, возникшей в лингвистике, а затем перешедшей, в какой-то степени, и в философию, исследователи направляли свое внимание в основном на вербальный звуковой язык, игнорируя существование других форм языка. Эта традиция в большей степени характерна для лингвистики, в меньшей мере — для философии. Так, Л. Леви-Брюль, исследуя примитивные общества, отмечает следующее: «Большинство низших обществ употребляют два языка, один — членораздельно-звуковой, а другой — язык жестов» [4, с. 127]. При этом «...человек, который говорит на языке жестов, имеет в своем распоряжении в готовом виде зрительно-двигательные ассоциации в большом количестве: представление о существах и предметах, появляясь в его сознании, тотчас же приводит в действие эти ассоциации. Можно сказать, что он мыслит, описывая предмет» [4, с. 129].

Кроме того, важной представляется мысль Леви-Брюля о том, что специфика мышления находит прямое отражение в специфике языка: «Совокупность свойств, характеризующих языки, на которых говорят общества низшего типа, вполне соответствует свойствам того мышления, которое в этих языках находит свое выражение» [4, с. 139]. В данных обществах доминирует пра-логическое мышление, что проявляется в преобладании чувственно-наглядной компоненты сознания, поэтому

«... Языки низших обществ всегда выражают представления о предметах и действиях в том же виде, в каком предметы и действия мыслятся глазами и ушам. Общая тенденция этих языков заключается в том, чтобы описывать не впечатление, полученное воспринимающим субъектом, а форму, очертания, положение, движение, образ действия объектов в пространстве, одним словом, то, что может быть воспринято и нарисовано. Языки стремятся исчерпать пластические и графические детали того, что они хотят выразить» [4, с. 125].

Интересна точка зрения на соотношение мышления и языка высказана В. А. Лекторским в связи с исследованием процесса познания. Он исходит из того, что все имеющиеся знания можно разделить на коллективные и личные. Коллективные знания — это те, которыми располагаем не только мы, но и другие люди. Это «совместное» владение знаниями возможно благодаря тому, что средством их выражения является вербальный язык, общий для всех людей и выражающий только общее, коллективное. Личное же знание, базирующееся на индивидуальном восприятии и существующее часто в виде не вполне ясных и четких образов, сложно выразить в словесной форме. Тем не менее, «Современная научная психология показала, что знание этого рода тоже предполагает использование языка, хотя это использование отлично от коллективного» [5, с. 194].

Изучив различные подходы к проблеме соотношения языка, мышления и сознания, мы считаем ее возможным решением концепцию, основывающуюся на восходящей к неоплатоникам (Плотин, Порфирий и др.) и развитой Никейскими отцами (Афанасий Александрийский) и особенно отцами — Каппадокийцами (Василий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский) ипостасной концепции соотношения общего и единичного.

В соответствии с данной концепцией мышление, сознание (в данном случае понятие «сознание») употреблено в широком смысле: собственно сознание + бессознательное) и язык рассматриваются как ипостаси единого *ментально-лингвального комплекса* (МЛК) [7, с. 664]. Названные объекты, будучи ипостасями единого, характеризуются как единосущные, неслиянные и в то же время нераздельные. Неслиянность свидетельствует о наличии у каждого объекта своих специфических свойств, а нераздельность — о невозможности рассматривать язык, сознание и мышление изолированно.

Ментально-лингвальный комплекс — это самоорганизующаяся информационная система, функционирующая на основе человеческого мозга. Она обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, порождение и передачу информации. В рамках МЛК мышление —

динамическая ипостась, сознание — накопительно-оценочная, язык — инструментальная и коммуникативная.

Мышлению присуща динамическая природа, так как оно представляет собой постоянно протекающий в мозгу процесс мышлепорождения, основанный на обработке поступающей по разным каналам информации.

Язык — инструмент мышления, предназначенный обеспечивать целесообразное расчленение импульсов, идущих в мозг от органов чувств. Главная функция языка по отношению к мышлению — дискретизация информационного континуума на информационные сгущения (отрезки) разного объема и содержания.

Сознание ответственно за интериоризацию в форме тех же информационных сгущений окружающего мира, в том числе самого человека как элемента этого мира, с установлением необходимых оценочных и ценностных ориентиров.

Информационные сгущения могут быть названы информемами. Информема — основная односторонняя единица МЛК, представляющая собой некоторую информационную целостность. Будучи выделенной из потока мышления, информема стремится к самообнаружению, с этой целью она должна пройти процесс семиозиса (означивания) и стать двусторонней единицей. Если информема проходит семиозис впервые — это первичное означивание (поиск подходящего означающего и установление между ним и информемой ассоциативной связи по смежности). Если же информема уже проходила семиозис, то имеет место непервичное означивание (поиск информемой присвоенного ей означающего). Информема, прошедшая первичный семиозис, ставится именованной и выступает в качестве концепта; она становится достоянием всех говорящих на данном языке. По сути дела, совокупность всех информем, которыми располагает сознание человека, и есть его знание.

МЛК в целом и каждый компонент в отдельности состоит из «светлой» и «темной» зон. В «светлой» зоне МЛК выступает как осознаваемая и обознаваемая сущность. В «темной» — как функционирующая, но неосознаваемая и необознаваемая сущность.

При порождении мысли МЛК функционирует как мышление, деятельность которого может быть двух типов.

1. Спонтанное, свободное (мышление ни о чем) — информемы находятся в свободном движении. Они объединяются, взаимодействуют, образуя цепочки информем, и также легко разъединяются. Деятельность сознания при этом заключается в оценке новых цепочек: ценные и представляющие интерес информемы обращаются сознанием в свое достояние.

2. Телеологическое (мышление о чем-то конкретном) — это поиск информем с заранее заданными свойствами. Такое мышление может, в свою очередь, быть дискурсивным и эвристическим. Дискурсивное осуществляется в «светлой» зоне сознания и требует наличия в этой зоне большого количества именованных информем, которые соединяются друг с другом по законам, напоминающим синтаксис внешнего языка. Эвристическое мышление осуществляется в «темной» зоне и оперирует всем репертуаром информем, которые соединяются аграмматично, по закону кратчайших семантических расстояний. Отсюда следует высокая скорость и значительная продуктивность. Данный тип мышления дает возможность получать результат в условиях дефицита информации в «светлой» зоне и позволяет приближаться к прояснению феномена интуитивного постижения истины.

Будучи ипостасью МЛК, язык также функционирует в осознаваемом и неосознаваемом режимах. Исходя из этого, привычное определение языка как системы знаков оказывается не вполне адекватной, так как в ипостасной интерпретации он начинается там, где еще нет оснований говорить о знаках их привычной интерпретации.

Список литературы:

1. Березин Ф. М. История лингвистических учений — М., 1975.
2. Дубровский Д. И. Проблема идеального. — М., 1983.
3. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I — М., 1960.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-Пресс, 1999.
5. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М., 2001.
6. Матяш Т. М. Сознание как единство нерелексивности и релексивности. — Ростов-на-Дону, 1990.
7. Морковкин В. В. Язык, мышление и сознание // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1998.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. — М., 2001.
9. Серл, Джон. Открывая сознание заново. — М., 2002.
10. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. — М., 1972.
11. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
12. Gorman F. Rationality and Relativity: The Quest for Objective knowledge. — Albershot. Brookfield USA, 1989.

3.3. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.А. БОГДАНОВА

Бабкова Оксана Михайловна

аспирант кафедры КиФ ГОУ ВПО «ННГУ», г Нижневарттовск.

E-mail: Oksananv1@mail.ru

Начало XXI века представляет собой глобальные процессы преобразования социального бытия и культуры в нашей стране, определяют также и серьезную трансформацию подходов к образованию, к формированию новых моделей обучения, исходящих из образа человека, адекватного складывающемуся на рубеже веков и тысячелетий новому типу культуры

В русской философии начала XX в. одной из главных тем становится анализ будущего культурного развития России. Русские мыслители формируют философию культуры, разбирая причины кризиса и обозначая перспективы его преодоления, с различных позиций. Последнее десятилетие прошлого века стало временем широкого интереса отечественных исследователей к философским взглядам *Александра Александровича Богданова* (1873—1928 гг.). В 1990-е гг. начали регулярно выходить в свет статьи, историко-философские очерки и монографии, в которых творческое наследие русского мыслителя и революционера интерпретировалось и оценивалось с самых разных позиций.

Философские идеи Богданова давно уже стали предметом научного и историко-философского анализа, как в России, так и на Западе. В течение длительного времени практически во всех странах Европы и в США философские, политические и научные взгляды Богданова были в центре внимания философов, теоретиков системного подхода, историков культуры и советологов. В настоящее время интерес к русскому философу не уменьшается: достаточно упомянуть о проведении ряда международных конференций (в Англии в 1995 г., в Германии в 2006 г., и в Финляндии в 2007 г.), посвященных исключительно Богданову. Не редкостью стали работы, в которых идеи Богданова рассматриваются в самой широкой социо-культурной перспективе.

Признавая неограниченные возможности познания, ученый был уверен, что общество в состоянии взять под контроль условия жизни. Поэтому нужны поиски таких познавательных форм, которые способны охватить все разнообразие прогрессирующей жизни. Несомненно, как незаурядный мыслитель и творческий естествоиспытатель, Богданов в своих теоретических разработках постоянно оперировал эмпирическим материалом из области медицины, биологии, физики, химии, то есть в большей мере естественнонаучным материалом.

Некоторые положения тектологии Богданова предвосхитили идеи кибернетики (принцип обратной связи, идея моделирования и др.). Романы Александра Александровича «Красная звезда» (1908 г.) и «Инженер Мэнни» (1912 г.), написанные в духе социальной утопии, пользуются популярностью у любителей фантастики. Богданов также рассматривал вопросы о соотношении физического и психического коллективного и индивидуального опыта; о месте и роли пролетарской культуры в самодвижении масс к социализму и др. Они были и остаются дискуссионными в среде научно-философской элиты, как, впрочем, и наследие других выдающихся мыслителей прошлого. Это наследие важно переосмысливать с учетом современных реалий.

Особое внимание, А. А. Богданов в своих научных и публицистических произведениях, уделял проблемам образования. Хотя, к сожалению, он не посвятил этому вопросу специальных работ, что несомненно затрудняет выяснение его отношения. Так, например, он не рассматривал вопросы образования в целом, включая все его ступени: начальное, среднее, высшее. Особое внимание Богданов уделял идеологическому образованию пролетариата в специально созданном для этого Пролетарском Университете. Он, как и многие другие, не делал особого различия между понятиями образование, воспитание, обучение, часто используя их как синонимы. В основе взглядов А. А. Богданова на проблемы образования лежит его общефилософская методология. В рамках эмпириомонизма он и выдвинул идею о создании науки об общих законах организации тектологии, которая явилась предшественницей кибернетики и во многом предвосхитила создание системного подхода к организационной науке.

По мнению философа, подобную целостность во взгляде на мир может иметь только рабочий класс, ибо он не знает каких-либо других теорий и не пытается всю деятельность подвергнуть духу специализации. Единство в работе, общность интересов в отношении к капиталу — все эти способности ведут рабочих к объединению в мировой коллектив.

Сущность социального опыта, по мнению А.А. Богданова, заключается в том, что он существует в обществе, в котором духовный

фактор (и образование, в том числе) является одним из главных исходных моментов общественного сознания. По мнению философа, все начинается с дробления, сначала физического, потом социального. Причем социальная дифференциация — это вторая фаза дробления человека, называемая специализацией. Дробление выступает, как категория сугубо экономическая. Именно экономика, общественное производство, социальная практика, в конечном счете, консолидируют людей, заставляют их объединяться в группы, классы. Называя специализацию трудовой деятельности господствующим типом развития, он указывал на ее негативную сторону. Отвергая искусственное деление труда, Богданов считал, что «специализация <...> означает сужение <...> поля для работников-специалистов, а вместе с тем и ограничение их кругозора» [2, с. 305]. Ученый пытался отстаивать самостоятельность своих философских взглядов в многочисленных дискуссиях, которые проходили в то время [5].

Основными идеями А.А. Богданова, определившими его взгляды на проблемы образования, являются коммунизм и коллективизм. В своих романах-утопиях он переносит коммунистические правила общежития даже в марсианский мир: «коммунизм у нас полный, отказывать детям почти никогда ни в чем не приходится» [4, с. 93].

Философ был сторонником последовательной социализации, которая должна была начинаться с малых лет процессом воспитания ребенка в обществе. Он выразил этот тезис в романе-утопии «Красная звезда» словами героини Нэллы: «Чтобы получить воспитание для общества, ребенок должен жить в обществе. Всего больше жизненного опыта и знаний дети усваивают друг у друга» [4, с. 85]. Дети сами выбирают свой круг общения, независимо будь-то ребенок либо взрослый. Постоянное стремление к знанию, к чему-то новому нужно сформировать. Но «все любят переходить из одной области производства в другую» [4, с. 81]. Поэтому можно следовать таким принципам социализации при помощи воспитания, когда каждый человек некоторое время работает на определенной должности, и затем уходит, чтобы не возникла коррумпированность и не исчезла квалификация. Для Богданова «специализированная физическая ловкость утрачивает свое значение, а на первый план выступает развитие интеллекта и воли, культурный уровень работника» [4, с. 72].

В настоящее время назрел переход к гуманистическому типу образования, и проблема специализации приобретает все большее значение. Ученый отрицательно относился к жесткой специализации образовательного процесса. Он пытался предостеречь общество, призывая отказаться от специализации, во имя сохранения гуманитарной составляющей образования.

Особое внимание мыслитель уделял установлению господства пролетариата в духовной сфере путем утверждения новой пролетарской культуры. Так, в 1920 г. именно его идеи были положены в основу создания и деятельности Пролеткульта. Эта массово-просветительская организация появилась после революции 1917 г. и просуществовала вплоть до середины 1920-х гг., а в 1932 г. согласно Постановлению ЦК ВКП (б) были закрыты последние местные пролеткульты.

Богданов ставил перед рабочим классом две основные задачи. Первая задача заключалась в отождествлении пролетариата с целым миром, в попытке организовать его духовные силы в художественной форме, а вторая — в овладении духовным наследством прошлых исторических эпох. Подобные взгляды по отношению к пролетарской культуре высказывал и В. И. Ленин, но различие заключалось в том, что Ленин считал культуру второстепенным элементом пролетарской диктатуры, а Богданов признавал культуру главным фактором в формировании нового общественного строя. Причем обе точки зрения были едины в том, что культура понималась как инструмент, а не существовала ради себя самой. Тем не менее, взгляды Богданова и Ленина разошлись.

Большое внимание философ уделял искусству, как одному из элементов культуры, способствующих воспитанию личности. Причем воспитание как начальный этап процесса образования выполняет, в основном, организационную функцию. Воспитание способствует формированию человека, а, соответственно и искусство, как воспитательное средство, есть также орудие организации коллектива [3, с. 90].

Александр Богданов был сторонником идеи о прогрессивной и сознательной роли науки в жизни общества. Для воплощения науки в жизнь, считал он, необходимо использовать современную науку, однако использовать ее непосредственно крайне сложно. Сначала нужно изменить всю ее социальную основу, заставить служить обществу. Приручить ее, чтобы наука перестала быть «орудием в руках господствующего класса <...> против класса, тяготеющего к социалистическому строю» [2, с. 263].

По мнению А. Богданова, господствующие в обществе промышленного капитала социальные слои (буржуазия и «примыкающая к ней» интеллигенция) не чинят особых препятствий для народных масс в получении образования, но, тем не менее, знание остается привилегией немногих. Недостаток базового образования не позволяет рабочему классу понять сложный научный аппарат. Знание «продается дорого, так, что платить за него <...> посильно только детям буржуазии» [2, с. 264]. Богданов верил в то, что именно научное

знание может способствовать единению рабочего класса с целью победы в социальной борьбе.

Ученый делал четкое разделение научного знания на старое (буржуазное) и новое (пролетарское). Богданов выдвинул лозунг: не только развивать уже существующее знание, но и создать новую, надклассовую науку, свободную от буржуазных влияний. Он понимал, что развитие буржуазной науки шло продуктивно за счет развития различных образовательных и научных учреждений, университетов, академий и надеялся, что пролетарская наука сможет достичь большего в своем развитии. Особое внимание мыслитель уделял воспитанию человека с самого раннего детства. Ученый предложил свою систему развития образования рабочего класса. Идея создания Пролетарского Университета и Российской Академии появились у него еще в период работы партийной школы на о. Капри.

Цель данного учебного заведения заключалась в формировании рабочего, обладающего не только идеями и моралью пролетарского класса, но и могущего распространять идеи сознательного рабочего коллективиста. Философ серьезно занимался вопросами повышения культурного уровня пролетариата и выдвинул концепцию пролетарской культуры, которую еще до Октябрьской революции пытался воплотить в жизнь. Мыслитель был убежден, что пролетариат способен создать самостоятельную культуру, совершить свою внутреннюю культурную революцию еще в недрах капитализма, «социалистически преобразуя себя, чтобы затем преобразовать все человечество» [1].

Таким образом, А. А. Богданов пытался создать совершенно новый тип человека — человека, воспитанного на культуре, живущего в мире и согласии с другими людьми. Он живет в коллективе, не зная, что такое вражда, ненависть, конкуренция. Именно в труде люди совершенствуют не только свои рабочие таланты, но и свою природную сущность.

Список литературы:

1. Богданов А. А. О пролетарской культуре (1904-1924). Л. — М.: Книга. 1924. 343 с.
2. Богданов А. А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 354 с.
3. Богданов А. А. Новый мир: Вопросы социализма. М.: КомКнига 2010. 136 с.
4. Богданов А. Красная звезда: Роман. М.: ТЕРРА — Книжный клуб. СПб.: Северо-Запад, 2009. 224 с.
5. Неизвестный Богданов: В 3 кн. / Под ред. Г. А. Бордюгова. М. 1995. Кн. 3.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Инцин Артем Геннадьевич

*соискатель кафедры Истории Отечества и МПИ СФ БГУ,
г. Стерлитамак*

E-mail: Sidhar-tha@yandex.ru

История политической ссылки является неотъемлемой частью истории общественно-политического и революционного движения в России. Как один из самых действенных карательных институтов царизма, ссылка выполняла функции подавления инакомыслия классовой борьбы на всех этапах освободительного движения в Российской империи. Сотни из так называемых «борцов за свободу» ссылались на каторгу и поселение на окраины царской России. Самодержавцы надеялись на то, что изолированные от культурных центров, лишённые необходимой духовной пищи, в том числе книг, без права публикации своих научных трудов и литературных произведений, высокообразованные люди, неизбежно будут обречены на «нравственное онемение» и духовную смерть.

В России данный вид наказания применялся с давних пор (ссылка в монастыри и т. п.). В период «дворцовых переворотов» 1725—1762 гг. серьёзные обороты набирает именно «политическая ссылка». Так были отстранены от дел и сосланы опальные государственные деятели: П. А. Толстой — в Соловки, А. Д. Меньшиков — в Берёзов, Э. И. Бирон — в Пелым, А. И. Остерман — в Берёзов и т. д. [3, с. 16]. Именно в это время возрастает роль ссылки в Сибирь как «дежурного» средства расправы властей с «государственными преступниками»,

причём «десятилетнее царствование Анны Иоанновны является (по отношению к истории русской ссылки за государственные вины) одним из обильных количеством жертв» [2, с. 5].

Массовый характер политическая ссылка получает после указов 1753 и 1754 гг., отменявших смертную казнь и вводивших взамен её вечную каторгу. Сибирь становится «излюбленным местом ссылки государственных преступников из лиц высшего сословия» [4, с. 15].

В начале XIX в. политическая ссылка также нередко применялась к «неугодным власти лицам», в тоже время в России не существовало чёткого правового определения ссылки и каторги. Одновременно действовали десятки указов и манифестов о ссылке, нередко противоречащих друг другу. Управление ссылкой (в т. ч. и политической) было возложено сразу на несколько ведомств, таких как Сибирский и Сысской приказы, Берг- и Адмиралтейств — коллегии, а также местную администрацию. Партии ссыльных препровождались без всякого порядка, начальство не знало, кто, за что был отправлен и куда направляется. Ссыльные полностью зависели от произвола местных властей.

Перелом в вопросе законодательного оформления ссылки намечается, когда в 1819 г. сибирским генерал-губернатором становится граф М. М. Сперанский. В ознакомительных поездках по вверенной ему территории, граф объехал основные места поселения, осмотрел тюрьмы и горное производство, после чего под его руководством стал разрабатываться проект преобразования сибирской ссылки, непосредственно же это было поручено близкому помощнику Сперанского Г. С. Батенькову. В 1822 г. увидел свет «Устав о ссыльных», ставший приоритетным документом в данной области уголовного права для всей России и установивший правовую регламентацию ссылки. Устав представлял собою сборник, действовавших в стране нормативных актов, которые определяли устройство органов управления, правила и порядок в местах поселения и заключения, порядок делопроизводства и правовое положение ссыльных [5, с. 433]. В Уставе вводится деление ссылки: высылка на каторжные работы и высылка на поселение. Также закреплялась норма, что данный вид наказания может быть назначен только судом [5, с. 433] Но в отношении политических «преступников» нередко эта норма не соблюдалась, ссылка производилась «по высочайшему повелению».

Для надзора за исполнением данного вида наказания учреждалось особое ведомство — Тобольский приказ о ссыльных, в котором собирались и систематизировались списки ссыльных, отслеживался путь следования ссыльных бригад, а также

распределялись места отбывания наказания [5, с. 434]. Причём ясно прописывалось, что местные судебные органы не могут определять место ссылки осужденных [5, с. 434]. В законе устанавливалась деятельность Губернских правлений, в частности: подготовка документов, отчёт перед Тобольским приказом, обеспечение ссыльных одеждой и деньгами и отправка далее до места следования [5, с. 434]. Вследствие вступления в силу «Устава о ссыльных», положение осужденных немного улучшается.

Несмотря на то, что ещё по наказу Екатерины II, преступления делились на государственные (общественные) и частные [4, с. 17], в Уставе не разграничивали ссыльнокаторжных по характеру преступлений, т.е. не делили на политических и уголовных. Политические ссыльные смешивались с общей массой других осужденных. Существовал единый общеуголовный кодекс о ссылке [6, с. 30]. Тем не менее, устав регулировал исполнение наказаний за более тяжкие преступления, т.е. соответствующие условия отбывания наказания нельзя было переносить на условия заключения за совершение иных, менее тяжких преступлений [7, с. 90]. Существовала дифференциация ссыльных по степени тяжести преступлений. Тем самым соблюдался принцип гуманности в отношении осужденных. Но в некоторых случаях, по указанию высшего начальства, политические ссыльные нередко отбывали наказание, как совершившие тяжкие преступления.

Одна из важнейших страниц в истории политической ссылки связана с трагическими событиями на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Декабристы были высланы в различные районы страны. Тем самым в разы выросло количество политических ссыльных. Царский режим с глубокой настороженностью относился к этим «опасным и ненадёжным людям», вследствие чего, в дополнение к Уставу о ссыльных, в 1832 г. выходит «Свод учреждений и указов о содержании под стражей ссыльных» [7, с. 102]. Согласно Своду основной целью наказания провозглашалось нравственное исправление провинившегося. Свод регулировал вопросы детальной регламентации порядка и условий отбывания наказания, определения форм и методов пенитенциарно-карательного воздействия, а так же вопросы организации тюремного быта. Принимая во внимание увеличение числа политических ссыльных и их антиправительственные настроения, в 1833 г. выходит закон, установивший суровое наказание (смертная казнь) ссыльным за преступления политического характера (заговор, бунт, открытое неповиновение начальству и пр.) [7, с. 131]. Тем самым правительство пыталось ограничить влияние ссыльных на местах.

Законодательство России до середины XIX в. не знало административной (политической) ссылки, лишь «Уложение о наказаниях» 1845 г. устанавливало ссылку как одну из важнейших мер наказания за преступления, как уголовные, так и политические [8, с. 143], практически она широко применялась как ссылка «по высочайшему повелению».

Таким образом, политическая (административная) ссылка хоть и не была официально регламентирована до середины XIX в., повсеместно и широко применялась к так называемым «борцам за свободу» или «неудобным власти лицам» и была действенным инструментом избавления государства от «неблагонадежных элементов». Правовой статус, находившихся в политической ссылке людей, определялся не общим российским законодательством о ссыльных, которое в целом на них не распространялось, а личными повелениями императора или временщиков. Что же касается реального выполнения этих повелений на местах, то во многом положение политических ссыльных определялось не только официальными распоряжениями центральной власти, но и отношениями с местным начальством, личными, родственными и дружественными связями и поэтому на практике многие предписания и инструкции в полном объёме не выполнялись. Политическим ссыльным в ряде случаев удавалось добиться весьма существенного облегчения режима.

Список литературы:

1. Гуляев П. Н. Российское уголовное право. — М, 1826. — 197 с.
2. Зуев А., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов. Очерки политической ссылки в Сибири II четверти XVIII века. — Новосибирск, 1992. — 162 с.
3. Максимов С. В. Сибирь и каторга. Т. 2. — Спб., 1871. — 353 с.
4. Мошкина З. В. Политическая каторга в России и социально-психологический облик политкаторжан: Дис. д-ра ист. наук. — М., 1999. — 421 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 38. — Спб., 1830. — 1355 с.
6. Рассказов Л. П. Тюремные инструкции в Российской Империи. — Краснодар, 1999. — 59 с.
7. Свод учреждений и уставов о ссыльных. // Свод законов Российской империи. — СПб, 1857. — Т. 14. — 152 с.
8. Свод учреждений и уставов о ссыльных. // Свод законов Российской империи. — СПб, 1890. — Т.14. — 174 с.

ДИРЕКТОРСКИЙ КОРПУС ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

Кочурина Светлана Анатольевна
канд. ист. наук, доцент ТГПУ, г. Томск
E-mail: svpart@gmail.com

*Работа выполнена при поддержке гранта
Президента Российской Федерации для молодых российских ученых.
Свидетельство МК-3486.2011.6.*

По Положению об учительских семинария (1870 г.) и учительских институтах (1872 г.) директор являлся непосредственным руководителем учебного заведения. Он пользовался теми же правами, что и директора прочих средних учебных заведений. В его обязанности входило не только общее административно-хозяйственное и учебное руководство, но и преподавание профильных дисциплин, осуществление контроля самостоятельных занятий и поведения воспитанников, участие в проведении педагогической практики. Все же успешная деятельность педагогических учебных заведений и уровень подготовки будущих учителей определили не только законы и положения о внутреннем устройстве семинарий и институтов, но во многом зависели от личных качеств директора учебного заведения: его научной и педагогической компетенции, профессиональной инициативы и административных способностей.

Министерство народного просвещения и попечительство Западно-Сибирского учебного округа, окружное начальство внимательно относились к подбору кандидатур на должности директоров учительских семинарий и институтов. Руководство учебных заведений назначалось, как правило, из наиболее опытных педагогов, со специальным образованием, авторитетных в округе работников народного просвещения. За неимением подходящих кандидатов среди местных претендентов, министерством подыскивались наиболее квалифицированные, известные своими заслугами на педагогическом поприще, деятели образования из ведущих учебных заведений европейской России. Директора учительских институтов, в отличие от семинарий, чаще назначались не по представлению попечителя Западно-Сибирского учебного округа, а напрямую «сверху» — Министерством народного просвещения. Требования к таким кандидатам были очень высокими.

Как правило, директора преподавали профильный предмет — педагогику, и один из предметов институтского курса [5. Л. 261 об.]. В связи с повсеместно имевшимся дефицитом хорошо подготовленных педагогических кадров в России конца XIX — начала XX вв., довольно часто, работу в институте или семинарии они совмещали с преподавательской деятельностью в других учебных заведениях, а также несли многочисленные общественные нагрузки. Директор Томского учительского института (ТУИ) Директор М. М. Германов являлся председателем педагогического совета Томской Марининской женской гимназии [2. Л. 63.]. И. А. Успенский являлся членом губернского училищного совета, входил в совет при попечителе Западно-Сибирского учебного округа [7. с. 19]. Директор Омского учительского института (ОмУИ) Ф. Г. Шубин, участвовал в заседаниях Комитета начальников средних учебных заведений [3. Л. 55.]. Общественная деятельность директоров ощутимо увеличилась с началом Первой мировой войны. Так, Ф. Г. Шубин с 1915 г. «состоял членом комитета начальников местного отдела Комитета по сбору пожертвований на воздушный флот»; заведовал школой беженцев, где преподавали учащиеся института; являлся членом военной цензуры немецких и французских писем [4. Л. 5, 8.].

Среди основных функций директоров педагогических учебных заведений самой сложной была задача укомплектовать штат преподавателей высококлассными специалистами. Во-первых, специалистов в области педагогики и методики преподавания крайне не хватало. Во-вторых, оплата труда преподавателей семинарий и институтов была невысокой, и даже уступала оплате в гимназиях и других средних специальных образовательных учреждениях. Закономерно, что проблема с кадрами решалась успешнее в тех учебных заведениях, где преподавателям могли предложить более выгодные материальные условия: повышенную зарплату, арендуемую квартиру. Наибольшее преимущество в решении кадровых проблем имели учебные заведения, сумевшие своевременно обзавестись собственным учебным корпусом, где, как правило, были предусмотрены квартиры для преподавателей. В таких случаях учительские должности охотно соглашались занять высококвалифицированные специалисты из других городов, а педагогический коллектив учебного заведения приобретал относительную стабильность.

Безусловно, предпочтение при назначении на должность директора педагогического учебного заведения отдавалось опытным педагогом, имеющим специализированное высшее педагогическое образование. Но поскольку в России конца XIX — начала XX вв. профильные учебные заведения были единичны, то достойных

кандидатов с необходимым образовательным цензом на руководящие должности постоянно не хватало. Кроме того, условия жизни в Сибири и относительно скромная оплата труда, по сравнению с жалованием служащих гимназий, где в основном работали выпускники педагогических вузов, делали должность мало привлекательной для потенциальных претендентов. Поэтому среди директоров была значительная доля выпускников других типов вузов — классических университетов и духовных академий. Кандидаты с таким образованием должны были обладать ярким педагогическим талантом. Наиболее важными критериями при подборе директора являлись незаурядные преподавательские способности и склонность к административной работе, отмеченные за период службы в средних и высших учебных заведениях. Определяющими в решении возглавить институт или семинарию все же являлись личные предпочтения кандидата и желание посвятить себя педагогическому делу. Следует отметить, что образование в духовной академии, в отличие от университетского курса, предполагало педагогическую подготовку, но выпускники таких вузов готовились для священнической деятельности или работы в духовных семинариях и школах по ведомству православного вероисповедания. Если педагогическая работа увлекала и становилась призванием, выпускники академий должны были получить специальное разрешение, которое позволяло перевестись на работу в Министерство народного просвещения, при условии сдачи специального экзамена на право преподавания.

В Западно-Сибирском учебном округе работали яркие представители директорского корпуса, имевшие различную образовательную подготовку. Из выпускников педагогических вузов России следует отметить директора Семипалатинской учительской семинарии статского советника М. Н. Березникова (1906 г.), окончившего Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Его работа в должности получила высокую оценку современников. По отзывам окружного начальства, Березников был «до бесконечности предан своему делу; является хорошим преподавателем и воспитателем и заботливым хозяином», как отмечалось, семинаристы «относятся к нему с любовью, а наставники и преподаватели с уважением» [11. Л. 8 об.]. Выпускником того же института, был первый директор Томского учительского института В. П. Щепетев (1902—1903 г.), назначенный с поста директора народных училищ Томской губернии [12]. Директор ОмУИ Ф. Г. Шубин (с 1912 г.) не только окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт, но и некоторое время преподавал в нем, имел опыт работы как «наставник-руководитель студентов в практической подготовке» [13], вел занятия в гимназии при Институте [9]. Кроме того,

Ф. Г. Шубин являлся постоянным членом Географического общества, автором ряда научных работ, специально занимался разработкой методики преподавания ручного труда в средних и низших учебных заведениях. По характеристике попечителя Санкт-Петербургского учебного округа он «снискал общее расположение учительского персонала и любовь учеников» отличался... большой добросовестностью и ревностью к службе, а также интересом к преподаваемому им предмету (география), постоянно посещая с этой целью рефераты и доклады в Географическом Обществе и в Соляном Городке; своими нравственными качествами он снискал общее расположение учительского персонала и любовь учеников, при чем последнее вызывается не какими-либо послаблениями, а мастерством преподавателя и чутким пониманием детской души...» [8]. Выпускниками Нежинского историко-филологического института являлись также директора Омской учительской семинарии В. Н. Шамраев (с 1906 г.) и А. П. Васильев (с 1916 г.).

Расцвет деятельности первого в Сибири педагогического учебного заведения — Омской учительской семинарии связан с назначением на должность директора М. А. Водяникова — известного в учебном округе педагога и общественного деятеля. Он возглавлял семинарию с 1879 по 1897 г. Водяников являлся выпускником юридического факультета Московского университета, но всю жизнь посвятил педагогическому делу и «служению на благо Сибири» [6]. Являясь носителем передовых педагогических идей, которые сформировались под влиянием либеральных гражданских идеалов в 60-е гг. XIX в., в течение всей жизни он исполнял юношескую клятву служить на благо Сибири. Именно идея служения родному краю, идеям просвещения вдохновила многих его учеников и последователей, среди которых выдающиеся педагоги и известные ученые. С 1906/07 учебного года Водяников был назначен директором Томского учительского института. За короткий срок работы в Томске, он немало сделал для становления и развития местного учительского института. Многие талантливые педагоги охотно соглашались работать под его началом. Именно Водяникову принадлежит заслуга комплектации основного педагогического состава, что стало залогом успешной деятельности первого в Сибири учительского института.

Открывшийся в 1916 г. Тобольский учительский институт, до приезда в 1917 г. официально назначенного министерством директора, возглавлял выпускник Казанского университета, директор народных училищ Тобольской губернии, известный в регионе педагог Г. Я. Маляревский, благодаря усилиям которого состоялось учреждение этого института. Г. Я. Маляревский известен как активный

деятель развития и распространения народного образования в Тобольской губернии.

Среди выпускников духовных академий России, возглавлявших окружные педагогические учебные заведения, наиболее ярким примером является директор Томского учительского института Иван Александрович Успенский, руководивший учебным заведением с августа 1907 г. и вплоть до 1920 г. Выпускник Московской духовной академии (МДА) И. А. Успенский посвятил себя делу народного образования и заслужил самые теплые отклики современников, коллег и учеников. Наравне со своими известными современниками он принадлежал к числу выдающихся педагогов и был человеком передовых взглядов. Газета «Сибирская жизнь» в 1902 г. писала об И. А. Успенском: «И. А. [Иван Александрович — *авт.*] очевидно принадлежит к числу тех немногих личностей, которым самой природой удается вносить мир туда, где его нет, служив объединяющим началом разрозненных элементов, поддерживать тех, кто падает под тяжестью жизненной ноши, распространять вокруг себя лучи неиссякаемой ласки и приветливости и на свою любовь вызывать ответную любовь...» [10]. По отзыву окружного начальства, Успенский значился как «опытный преподаватель и воспитатель», который «обладает хорошими административными способностями; воспитанники института и преподаватели относятся к нему с уважением...» [11. Л. 8].

Выпускником Московской духовной академии был директор открытого в 1917 г. Новониколаевского учительского института, выдающийся педагог, ученый и деятель народного образования А. В. Волнин. Кроме того, выпускниками МДА были директор Тобольской учительской семинарии А. В. Товаров (с 1914 г.) и директор Барнаульской учительской семинарии (с 1915 г.) В. М. Петров. Директор Павловской учительской семинарии С. Г. Сироткин (с 1906 г.) [11. Л. 8, 9 об.] и директор Тобольского учительского института (с 1917 г.) А. А. Зырянов окончили духовную академию в Казани.

Тенденции развития всеобщего начального образования способствовали решению вопроса об открытии в округе в 1910 году первой женской учительской семинарии в г. Ялуторовске. Слабое развитие женского образования в России сделало поиск подходящих кандидаток на должность начальницы нового учебного заведения очень сложной и ответственной задачей. В западносибирских учебных заведениях было крайне мало высоко образованных и опытных преподавательниц, способных и желающих возглавить новое дело. В итоге на должность начальницы была приглашена выпускница Томской Мариинской женской гимназии Вера Павловна Песнопевцева, имевшая опыт работы наставницей в Барнаульской женской гимназии и

руководства частным учебным заведением. Это был первый случай в истории округа, когда руководителем учебного заведения была назначена кандидатка, имевшая лишь подготовку в объеме курса гимназии. Для успешной деятельности на этом ответственном посту Песнопевцевой не всегда хватало опыта и административно-хозяйственных навыков, что было очень важным в условиях становления учебного заведения и ведения строительства собственного учебного корпуса. Не лучшие отзывы попечителя вызывала и постановка учебно-педагогической работы среди учениц: «заявшая столько высокий и ответственный пост, г-жа Песнопевцева не всегда стояла на высоте своего призвания. Получив только среднее образование и имея за собою весьма непродолжительную педагогическую практику, г. Песнопевцева нередко за время своей службы обнаруживала недостаточное знакомство с распорядительно-хозяйственной стороной поученного ей дела», имела нарекания и по постановке учебно-воспитательной работы в подведомственном ей учреждении [1. Л. 72 об.]. Однако первое женское педагогическое учебное заведение в Сибири, несмотря на критику окружного начальства и материально бытовые трудности, неизменно пользовалось популярностью.

С развитием сети педагогических учебных заведений и в условиях дефицита высококвалифицированных кадров, с подбором кандидатов на должности директоров возникало все больше сложностей. С началом Первой мировой войны многие педагоги подлежали мобилизации. Ситуация с кадрами только ухудшалась. Требования к директорам и механизм назначения на должности насколько упростились. Это касалось, в первую очередь, учительских семинарий, где образовательный ценз учащихся был несколько ниже институтских, а соответственно и критерии отбора кандидатов на руководящие должности стали заметно ниже — допускались лица без необходимого педагогического опыта и образовательного ценза. Так, на должность директора открытой в 1916 г. Акмолинской учительской семинарии был назначен окончивший курс Московского учительского института Ф. Ф. Скворцов.

В целом же, педагогические учебные заведения Западно-Сибирского учебного округа, как правило, возглавляли специалисты высокого уровня — выпускники престижных высших учебных заведений, в том числе, столичных специализированных. Среди них были талантливые педагоги, известные ученые и общественные деятели. Под их руководством было возможным привлечение в учебные заведения специалистов с большим творческим и научным потенциалом, что способствовало совершенствованию учебного процесса, повышению качеству образования, формированию духа сотрудничества между

преподавателями и слушателями, успешного воспитания будущих педагогов; расширялась сфера общественно-педагогической деятельности. Активно работавшие учительские институты и семинарии Западной Сибири пользовались заслуженным авторитетом, а обучение в них было престижным. Среди них необходимо отметить старейшие педагогические учебные заведения — Омскую и Семипалатинскую учительскую семинарию, Томский учительский институт, которые возглавляли специалисты высокого класса, носители передовых педагогических идей: М. А. Водяников, И. А. Успенский, М. Н. Березников и др. Результатом внутреннего развития педагогических учебных заведений Западной Сибири, как и по всей России, становилось движение за их реформу — совершенствование подготовки учителей и реорганизацию институтов в высшие учебные заведения.

Список литературы:

1. О служебной деятельности начальницы Ялуторовской учительской семинарии Веры Павловны Песнопевцевой // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 184. Д. 20. Л. 69—72 об.
2. Отчет за 1904 г. директора ТУИ М. М. Германова // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 1989. Л. 62—69.
3. Отчет за 1912 г. директора ОмУИ Ф. Г. Шубина // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2869. Л. 53—58 об.
4. Отчет за 1915 г. директора ОмУИ Ф. Г. Шубина // Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 94. Оп. 1. Д. 42. Л. 2—21.
5. Отчет попечителя Западно-Сибирского учебного округа за 1912 г. // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2689. Л. 221—263.
6. Памяти М.А. Водяникова // Сибирская жизнь. 1919. 20 марта. № 56.
7. Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г. / Е. Г. Юферова. — Тобольск: Тобольский губернский статистический комитет, 1915. — 219 с.
8. Представление гофмейстер Двора Его Величества о назначении на должность директора ОмУИ Ф. Г. Шубина // ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 91. Л. 4.
9. Представление директора Санкт-Петербургского историко-филологического института о назначении на должность директора ОмУИ Ф. Г. Шубина // ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 91. Л. 1—2.
10. Проводы Томской духовной семинарии своего бывшего инспектора И. А. Успенского // Сибирская жизнь. 1902. 4 сентября. № 192.
11. Разъяснения недоразумений по поводу жалоб на Управление Западно-Сибирского учебного округа // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 177. Л. 8—9 об.
12. Формулярный список В.П. Щепетева // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2039. Л. 22—30 об.
13. Формулярный список Ф. Г. Шубина // ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 91. Л. 7—14 об.

ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ НЭПА (НА ПРИМЕРЕ БАССР)

Павлова Любовь Анатольевна

*соискатель кафедры Истории Отечества и МПИ СФ БГУ,
г. Стерлитамак
E-mail: Lyuboff_86@mail.ru*

Годы проведения новой экономической политики — особый период, в истории советской России. В это время в огосударствленную экономику были допущены элементы рынка, народное хозяйство приобрело черты многоукладного. Новые тенденции в экономике сопровождались динамичным развитием отношений в сфере труда. С целью повышения эффективности производства государственные предприятия перешли на хозяйственный расчет, что обострило имеющиеся и породило новые противоречия между рабочими и администрацией предприятий.

Становление рыночной системы хозяйствования это всегда сложный и во многом противоречивый процесс. С одной стороны появляются перспективы формирования системы компромиссного решения проблем трудовых отношений, а с другой активизируется борьба трудящихся за свои права [1, с. 1].

Трудовая политика государства в годы НЭПа была подчинена главной задаче — восстановлению народного хозяйства. Так как новая экономическая политика была основана на частичном допущении капитализма, то это означало и частичное восстановление тех трудовых отношений, которые сложились до революции, с наложением их на политические и идеологические задачи новой власти. Это объясняет то, что трудовые отношения рассматриваемого периода представляли собой сгусток противоречий, как унаследованных из прошлого, так и порожденных спецификой советской политики. Прямых и сознательных решений в области труда не было. Они проводились в жизнь спонтанно, в виде реакции на кризисные явления, порожденные эпохой военного коммунизма, и устанавливались в ходе реализации нэповских мероприятий.

Одним из первых подобных мероприятий в рамках трудовой политики государства было восстановление в 1922 году бирж труда, на которые было возложено решение огромной проблемы, с которой столкнулось государство, а именно — массовой безработицы.

Напомним, что к 1921 году Россия буквально лежала в руинах. Во время военных действий в число особенно пострадавших регионов

входил и Урал. Промышленность Башкортостана, еще слабо представленная в народнохозяйственном организме края в начале XX века, понесла большие потери в результате революционных событий 1917 г. и гражданской войны. Интенсивные военные действия в 1918—19 гг., когда территория края оказалась в кольце фронтов, сильно ухудшили и без того слабую отрасль хозяйства. При отступлении колчаковцы вывезли ценное промышленное оборудование, станки из Белорецких, Уфимских предприятий, машинный транспорт, запас меди. В ходе гражданской войны были затоплены шахты, рудники, взорваны, сожжены многие промышленные объекты. Железнодорожный транспорт на территории республики представлял из себя кладбище из паровозов, вагонов целых составов. Были выведены из строя целые участки железных дорог. К тому же из-за отсутствия сырья и топлива в начале 20-х гг. встали все винные заводы, кузнечно-слесарные мастерские, 13 лесопильных заводов. Замерла торговля, упала ценность денег, поднялись цены на продукты питания. Все это тяжело отразилось и на положении рабочих [4, с. 190].

Наряду с постоянной миграцией из деревни в город источником безработицы продолжали оставаться и увольнения на предприятиях. Особенно заметный рост безработицы наблюдался на протяжении 1924 года. В Башкирии этот рост расценивался профсоюзным руководством как «громаднейший»: на 1 января 1924 г. число зарегистрированных безработных составило 4184 человек, на 1 апреля того же года — 5729 человек, а на 1 сентября — 5977. Иначе говоря, за 8 месяцев рост этот составил почти 43 %. К 1925 году ситуация продолжает ухудшаться: по данным Башпрофсовета, на 1925 год «безработных по Башреспублике насчитывается около 7000, из них 52 % приходится на лиц, занятых физическим трудом, 48 % — умственным. В 52 % входят и квалифицированные работники, около 1200. Большой процент безработных приходится на Уфу — 60 %, остальные 40 % — на кантоны (Белебей — 15 %, Стерлитамак — 12 %, Бирск — 8 %). Причем в кантонах безработица менее опасна, как имеющая текущий характер, в Уфе она постоянна и все время растет» [3, Л. 34].

Работа с безработными в системе государственной власти была возложена на биржи труда, которые стали создаваться в составе отделов труда губисполкомов с весны 1922 года. Их деятельность сводилась к постановке на учет безработных, а затем по имеющимся запросам направление их на работу, организация коллективов безработных и организация общественных работ. Также ответственность за решение проблем безработицы лежала на Отделе Труда при профсоюзах,

которым «в целях учета безработных вменяется в обязанность вести текущие списки безработных» [4, Л. 62]. Все безработные члены профсоюзов должны были в обязательном порядке зарегистрироваться на бирже труда; уволенным работникам выдавался аттестат с точным указанием причин увольнения, «продуктивность работы, способность и знание дела определять по пятибалльной системе» [5, Л. 38]. Администрациям всех предприятий и учреждений запрещалось принимать рабочих на службу помимо биржи труда. Последние регистрировали в качестве безработных всех обращающихся, которым выдавались специальные билеты, предоставляющие льготы по уплате налогов и коммунальных платежей. В массе безработных преобладали женщины и подростки (последние — в связи с запретом использования детского труда), большинство женщин и девушек уступали мужчинам в образовании, квалификации, политической активности. Однако согласно новым аспектам трудовой политики государства, «при равных условиях производства труда и производственной квалификации все женщины увольняются по сокращению штатов на общем основании», исключение допускалось для одиноких женщин, имеющих детей возрастом до 1 года (однако это исключение не предполагало закрепление рабочего места, работнице лишь «отдавалось предпочтение»). Остальным уволенным одиноким работницам, имеющим малолетних детей предоставлялись следующие льготы: они не подлежали выселению из занимаемых помещений, освобождались от платы за жилье и коммунальные услуги на все время безработицы, их дети не подлежали отчислению из яслей, школ, других детских учреждений, которые содержались за счет предприятий, также уволенные женщины и их дети имели право бесплатного поезда на родину.

Подобные льготы усилили поток мнимых безработных, в связи с этим в 1922 году было решено провести перерегистрацию безработных — «в целях чистки элемента безработных на бирже труда необходимо установить степень действительно нуждающихся лиц, ищущих труда, в отличие от граждан, которые регистрируется для получения известных льгот» [5, Л. 51]. Для этой цели была создана комиссия при бирже труда, в задачу которой входило проверка правильности выдачи документов, удостоверяющих трудоспособность всех зарегистрированных безработных, проверить их социальное и имущественное положение, а также «не занимаются ли они какими-либо другими промыслами, дающими возможность на существование».

Таким, образом, трудовая политика периода нэпа представляла собой сгусток противоречивых явлений. С одной стороны наблюдалась острая нехватка квалифицированных рабочих кадров, с другой — рост

безработицы. Налаживание работы местных органов социального обеспечения на Южном Урале после окончания гражданской войны происходило с большими трудностями, Это было следствием как объективных факторов, таких как последствия экономического кризиса, так и таких постоянно действующих причин как недостаток квалифицированных кадров и недостаточное финансирование. Так как новая экономическая политика была основана на частичном допущении капитализма, то это означало и частичное восстановление тех трудовых отношений, которые сложились до революции, с наложением их на политические и идеологические задачи новой власти. Это объясняет то, что трудовые отношения рассматриваемого периода представляли собой сгусток противоречий, как унаследованных из прошлого, так и порожденных спецификой советской политики.

Список литературы:

1. Бородкин Л. И., Сафонова Е. И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы НЭПа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история. — 2000. — № 5 [электронный ресурс] — Режим доступа. — <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB5/borsaf.htm>
2. Соколов А. К. Проблемы трудовых отношений на советских предприятиях в годы нэпа. — М., 2003. —432 с.
3. Центральный государственный архив общественных организаций республики Башкортостан (Далее: ЦГАОО РБ) Ф. 122. Оп. 5. Д. 212.
4. ЦГАОО РБ, Ф. 8903, Оп. 1., Д. 83.
5. ЦГАОО РБ, Ф. 8903, Оп. 1., Д. 84.
6. Черных А. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. — М.: Памятники исторической мысли, 1998. — 282 с.

4.2. ЭТНОЛОГИЯ

ОТРАЖЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ФОЛЬКЛОРЕ И В ЖИЗНИ НАРОДА МАНСИ (ВОГУЛОВ)

Кумаева Мария Владимировна

научный сотрудник Обско-угорского Института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

E-mail: kumaeva4@yandex.ru

Манси (вогулы) живут на территории в северо-западной части Сибири по левым притокам Оби в пределах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Несколько десятков семей живет в Свердловской области. В Пермской же области в верховьях Вишеры сохранились лишь потомки манси, которые говорят по-русски, но называют себя до сих пор вогулами [6, с. 6]. Манси (вогулы) многие века сохраняли свой древний традиционный уклад жизни и языческую веру. «Мансийский язык сильно ассимилируется языками соседних народов, главным образом — русским» [6, с. 6]. Миссионерская деятельность и христианизация коренного населения Сибири православие начало более полутора тысяч лет тому назад. «В 1448 г. пятый епископ Пермский Питирим был в Москве с жалобой Великому князю на частые вогульские набеги, получил денежную помощь и налоговые льготы и возвратился в свою епархию. По возвращении он начал осуществлять миссионерскую деятельность среди вогулов» [8, с. 134]. В местах расселения манси (вогулов), остяков (ханты), стали строиться церкви, часовни. «Кодские князья были в ряду первых аборигенов-христиан. Возведение храма — каменной пятиглавой церкви во имя Святой Троицы с колокольной и двумя приделами — относится к 1757 г. <...> По источникам известно, что на месте каменного храма прежде последовательно располагались несколько деревянных церквей, первая из которых была возведена в 1600 г. в остяцком княжестве Кода» [1, с. 412]. У обских угров долгое время не было письменности, но существовал фольклор, который передавал из уст в уста, из поколения в поколение народную мудрость, жизненный опыт. В мансийском фольклоре часто предметы, описания, действия имеют образное значение, во многих текстах сохраняется архаичность, изобразительно-выразительные средства языка. В своих исследованиях А.Т. Хроленко утверждает, что «у каждого народа существуют неповторимые ассоциации образного мышления,

обусловленные особым семантическим наполнением каждого слова — культурными смыслами. Они закрепляются в языковой системе и составляют её национальную специфику» [7, с. 91]. О талантливом сказителе Носилов К.Д. пишет следующее: «Он настоящий поэт.... Он пел обо всём... что трогало его поэтическую душу; он пел о тишине, таинственности леса; он пел о том, как меняются картины в изгибах его лесной реки, как синеют дальние горы, как звучит голос лебедя, как спит лесное озеро, как дремлет лес, как гаснет заря...» [5, с. 8]. Рассмотрим на некоторых примерах загадок отразившиеся христианские традиции, верования.

Ам амщум — ов!
Войкан тарыг ратунгкве патаве,
войкан тарыг луйгунгкве паты,
туре сат тур ултта суйты.
— Ханьщелын, маныр?
— Ты ялпынг кол сангкан ратнэ суй.
сг. (Ромбандеева) [2, с. 98].

Моя загадка — эй!
Когда белого журавля станут
ударять, белый журавль
переливчато начнёт курлыкать,
звук его голоса через семь озёр
слыхать.
— Отгадайте, что это?
— Это перезвон церковных
колоколов.

В этой загадке белый храм сравнивается с белым журавлем, звон колоколов сравнивается с курлыканьем белого журавля. Рассмотрим другую загадку.

Ам амщум — ов!
Акв ойка акв улыщпалэ манн
хоям, акв улыщпалэ торумн хоям;
хумле хайтнэ аги, хумле хайтнэ
пыг тув туп нас шалтапи.
— Я, ханьщелын, маныр?
— Ты ялпынг кол ави.
сс. (Каннисто). [2, с. 98].

Моя загадка — эй!
У мужчины одна челюсть
земли коснулась, одна челюсть
неба коснулась; пробегающие
девушки да пробегающие
парни так и туда заходят.
— А — ну-ка, отгадайте, что
за загадка?
— Это церковная дверь.

В данной загадке церковь является соединяющим небо и землю. «Пробегающие девушки да пробегающие парни так и туда заходят», для посещения молитвы к Отцу Небесному (Нуми Торуму).

Ам амщум — ов!
Войкан тарыг сат тур ултта суйты.
— Я, ханьщелын, ты маныр?
— Ты ялпынг кол. Сангкант ратнэ
суянл.
сс. (Каннисто) [2, с. 98].

Моя загадка — эй!
Курлыканье белого журавля за
семью озёрами слышно.
— А ну-ка, отгадайте, что это?
— Это церковь и перезвон
колоколов. (Каннисто).

Белый журавль у манси считается священной птицей, охота на него не ведется. Белый храм в этой загадке сказителем образно сравнивается с белым журавлём.

Приведем примеры из мансийских народных сказок. Так, сказка «Поп экваг-ойкаг пыг мойт» («Сказка о сыне попадьи и попа»), начинается так:

«Поп экваг-ойкаг олэг. Я-ты, олыметэн, та матнэн орумт, хум котильн, нэ котильн ёхтынэтэн орумт пыгрись осьсыг... Поп с женой живут. И вот, так поживая, на склоне лет, в возрасте мужчины и женщины средних лет, у них родился сын...» [3, с. 4]. В тексте сказки главным персонажем является сын попа — Поп-пыгрись. Он преодолевает препятствия, одолевает злую силу. Возвращается в родительский дом с невестой. «И все стали жить счастливо и по сей день живут», так завершается сказка. Приведем пример из другого текста мансийской народной сказки «Сказка о Миленьком», мы читаем: «... собрал всех бедняков и нищих. Наменял мелочи: три копейки, пять копеек. Наложил мелочи полнехоньку в мешок. Раздал все деньги беднякам...» [4, с. 188]. Здесь главный герой повествования оказывает помощь людям нуждающимся, он подает им милостыню.

Православие повлияло не только на фольклор, христианские элементы верований отразились и в обрядах народа манси (вогулов). В работе «Обряд сыгвинских манси в связи с рождением ребенка» (1993) Е. И. Ромбандеева отмечает: «Кроме пукнисянь, алтумсянь, у ребенка может быть и пернангсянь (крестная мать) и пернангась (крестный отец). Они дарят ребенку обычно кресты, а им в свою очередь тоже что-либо дарят. Обряд крещения не производится» [6, с. 99]. В конце XIX века среди манси (вогулов) находился отечественный исследователь Зауральского Севера К.Д. Носилов, он в своей работе пишет: «Старик — хороший вогул, все его любят, живёт он так же, как все другие вогулы... Он православный, крещён, у него есть иконы, водятся восковые свечи, он больше всего чтит Николая Чудотворца... <...> Я был несколько раз в праздники в их храме, но мало уже встретил там вогулов. Они... неохотно посещают свой храм, в праздник, в посты их ныне собирается самая малость...» [5, с. 185]. С принятием крещения манси (вогулам) стали даваться русские имена: Илья — Иля, Пётр — Петра, Борис — Порис, Владимир — Латимир, Сергей — Серки, Александр — Сантыр, Павел — Паял, Василий — Ващиль, Данил — Танил, Гаврил — Каврила, Михаил — Миска, Иван — Юван, Николай — Микол, Алексей — Улякси, Дорофей — Торапи, Прокопий — Поркопя, Елисей — Еляси, Георгий — Йиквырка, Федот — Петот, Дмитрий — Митри, Антип — Антипка, Игнатий — Икнаска, Софья — Сопья, Прасковья — Парыска

и др. «Ввиду того, что у манси не было личных имен, то при крещении каждому лицу давали не только фамилию, но и имя. Все личные имена манси восходят к адаптированным христианским именам. Новые присвоенные людям имена были непопулярными, манси продолжали пользоваться привычными им терминами родства, свойства и возраста... Позднее сочетание христианского имени с терминами ойка, эква стало восприниматься как вежливый тон речи и уважительное отношение к человеку» [6, с. 46]. В 2003 году опубликована книга «Библияныл потрыт» («Библейские рассказы на мансийском языке») в переводе М. А. Хатаневой, под редакцией Р. П. Хозумовой. Нравственность и духовность молодого поколения заключается в соблюдении веры и традиций родного народа.

Список литературы:

1. Баранов М. Ю., Чарусова И. С. Результаты натурного обследования территории Свято-Троицкой церкви бывшего Кондинского монастыря в пгт. Октябрьском ХМАО — Югры / Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. Ун-та, 2010. Вып. 8. 530 с.
2. Загадки мансийские (вогульские) / Авт.-сост. Т.Д. Слинкина; науч. ред. Е. И. Ромбандеева, д-р филол. н. Хант-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002, 178 с.
3. Кумаева М. В. Поп экваг-ойкаг пыг мойт / Луима сэрипос, г. Ханты-Мансийск, 6 августа 2011 г., № 31, — 4 с.
4. Мифы, предания, сказки хантов и манси. пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общей редакцией Е.С. Новик. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 568 с.
5. Носилов К. Д. У Вогулов: Очерки и наброски / Составление тома Ю. Л. Мандрики. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — 304 с.
6. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. — 208 с.
7. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пос. / А.Т. Хроленко; под ред. В. Д. Бондалетова. — 5-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 184 с.
8. Чепкасов Е. В. История и последствия христианизации вогулов / Обские угры: научные исследования и практические разработки: материалы Всероссийской научной конференции VII Югорские чтения / сост. С. А. Герасимова. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. — 512 с.

4.3. АРХЕОЛОГИЯ

МИКРОЧАСТИЦЫ МЕТАЛЛОВ НА ОБРАЗЦЕ КВАРЦИТОВОГО САРКОФАГА ИЗ КОМПЛЕКСА ПИРАМИДЫ АМЕНЕМХЕТА II В ДАШУРЕ (ЕГИПЕТ).

Горлова Юлия Владимировна
ассистент ЮФУ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: rodyana333@yandex.ru

Объектом исследований являлся образец фрагмента саркофага из комплекса пирамиды Аменемхета II (1932—1896 гг. до н. э., XII династия), в Дашуре (Египет). Комплекс датируется рубежом XIX—XX веков до н. э. (Среднее Царство). Саркофаг относится к остаткам припирамидных сооружений, которые видимо строились одновременно с пирамидой, и считаются погребальными конструкциями родственников фараона [3]. Образец представляет собой обработанную поверхность мелкокристаллического кварцита (рисунок 1).

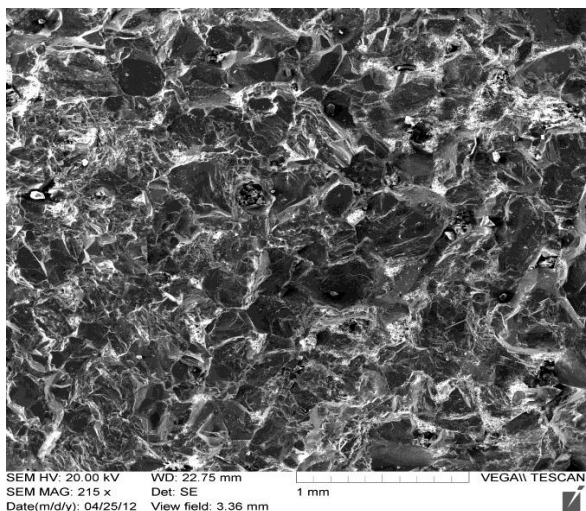

Рис. 1 Поверхность образца.

Целью исследования явилось установление наличия и состава микрочастиц металлов. Исследование проводилось с использованием растрового электронного микроскопа Tescan Vega LMU, оснащенного системой рентгеновского волнодисперсионного микроанализа Oxford INCA Wave 700.

В межзерновом пространстве кварцита (рис. 2) присутствуют металлические частицы неправильной формы и комковатых агрегатов размером 5—50 мкм (рис. 3).

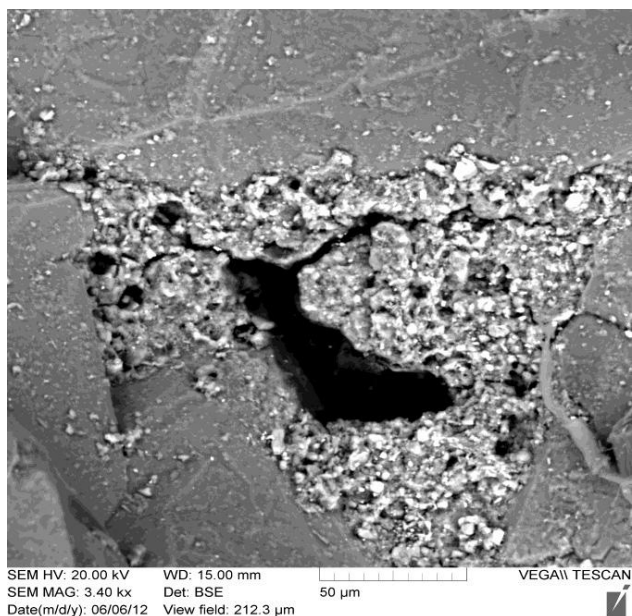

Рис. 2 заполнение межзернового пространства

Поверхность частиц сильно корродированна. Степень сохранности исключает возможность получения представительных результатов количественного химического состава, поэтому приводится только качественный состав.

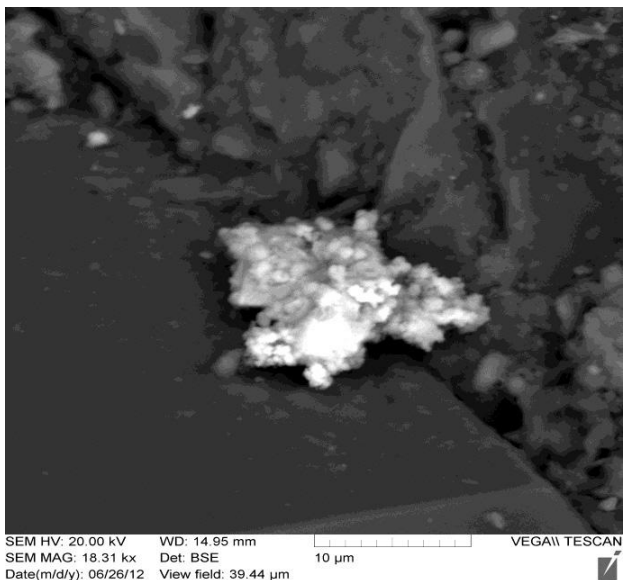

Рис. 3. Металлическая частица

По составу, на основании исследования более 30 микрочастиц выделяются 2 группы: 1) соединения меди, количественно преобладающие; 2) соединения железа в виде единичных частиц. Группы частиц различаются между собой по форме и степени корродированности.

Соединения меди обнаруживают значительные вариации состава. Количественно преобладают частицы Cu-Sn состава (около 65 %), типичный спектр приведен на рисунке 4-а.

Вторыми по численности являются Cu-Ni соединения (рис. 4-б).

В виде единичных частиц присутствуют Cu-As-S (рис. 4-в) и Cu-Fe (рис. 4-г).

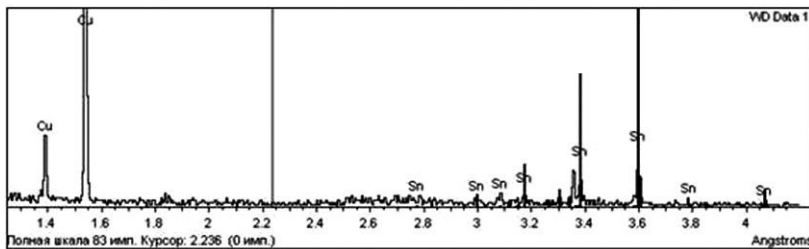

Рис. 4-а

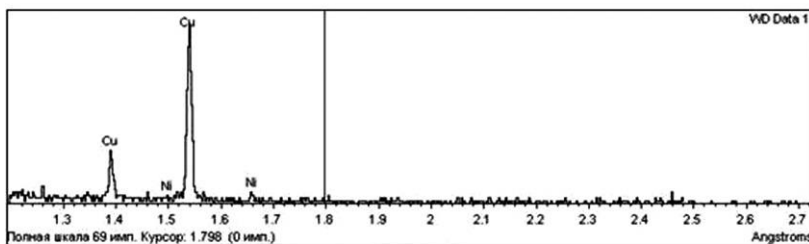

Рис. 4-б

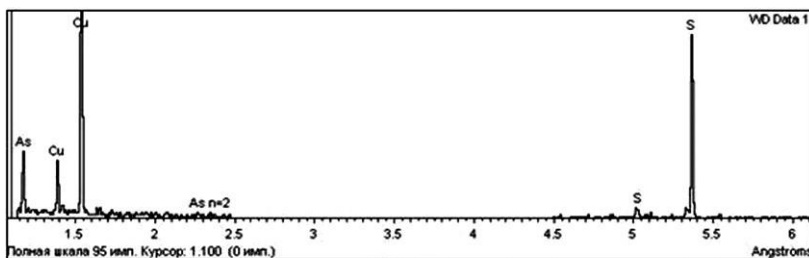

Рис. 4-в

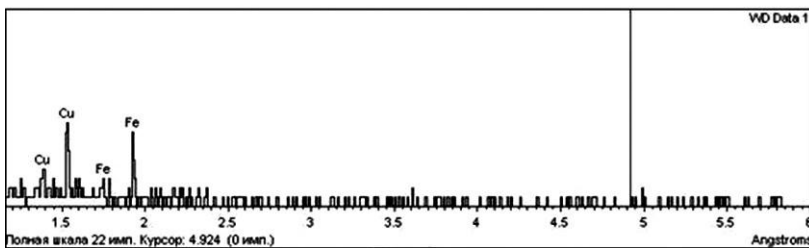

Рис. 4-г

Железосодержащие частицы представлены соединением Fe-Ti состава и характеризуются меньшей степенью корродированности. О форме частиц можно судить по изображению на рисунке 5.

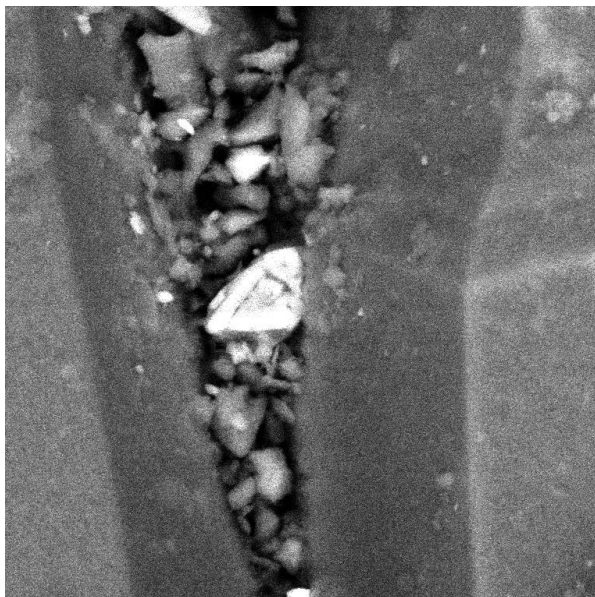

Рис. 5 железосодержащая частица

Источник микрочастиц и время их появления на образце однозначно, исходя из имеющихся данных, установить невозможно. Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что для периода Среднего Царства (2066—1650 гг. до н. э.) характерны единичные находки бронзовых изделий. В основном это чаши, сосуды, украшения [2]. Первая находка изделия из бронзы относится к IV династии около 2900 гг. до н. э. От XII династии сохранились несколько вполне достоверных образцов бронзовых изделий, в том числе и орудия. Но широкое распространение бронзовые изделия получили только начиная с XVIII династии (1550 гг. до н. э.) . То есть состав преобладающей группы микрочастиц несколько отличается от данных, полученных на основании археологического датирования.

Что касается вариаций соединений меди, то наличие разных по составу металлических микрочастиц на обработанной поверхности образца, может объясняться несколькими этапами обработки изделия или применением разных по составу обрабатывающих инструментов. Анализ древних изделий из Египта показал, что медь в них не была чистой, а содержала в виде примесей мышьяк, железо, никель и олово. Это подтверждается данными химического анализа микрочастиц.

Считается, что специально добавляли в медь только олово, остальные же примеси попадали из руды. [1]

Изначально бронза завозилась в Египет из соседних регионов. Позднее бронзу начали изготавливать на месте из привозной меди и олова. Хотя в настоящее время в Египте известны месторождения оловянной руды нет свидетельств, что они были известны и разрабатывались в древности.

Находки изделий из железа единичны, широкое распространение оно получает к XXV династии (712—663 годы до н. э.), от которой сохранился целый ряд железных орудий. Следует отметить, что в Абидосе был найден сплав меди и железа раннединастического периода [1].

Приведенные данные носят предварительный характер, но выявленные значимые различия состава указывают на перспективность изучения микрочастиц.

Автор выражает признательность А. Склярову (Фонд развития науки III тысячелетие, г. Москва) за предоставленные для исследования образцы.

Список литературы:

1. Лукас А. Материалы и производства Древнего Египта. М: Издательство иностранной литературы 1958. — 407 с.
2. Рузанова С. А. Металлургия Древнего Египта в раннем бронзовом веке. Краткие сообщения института археологии РАН. Вып. 223. 2009 г.
3. Скляров А. Ю. Цивилизация богов Древнего Египта. М. ООО «Издательство Вече», 2008. — 416 с.

4.4. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ КРЕКИНГ-УСТАНОВОК В РАЙОНАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Ахмадова Хава Хамидовна
профессор, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: hava9550@mail.ru

Сыркин Алик Михайлович
профессор, Уфимский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Уфа
E-mail: syrkinam@mail.ru

Идрисова Элиза Усамовна
ассистент, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: idrisova999@mail.ru

Ярко выраженная диспропорция в размещении нефтяной отрасли СССР в 1920-1930-е годы, заключающаяся в концентрации отраслей по добыче и переработки нефти в южных районах, отрицательно сказывалась на снабжении страны нефтепродуктами.

В процессе индустриализации СССР необходимо было преодолеть эту диспропорцию, тем более что отсутствие нефтяной базы на Востоке страны сильно тормозило запланированные преобразования в народно-хозяйственном комплексе [7].

Создание новой нефтяной базы в Урало-Поволжье было крайне необходимо для обеспечения нормальной жизнедеятельности восточных районов СССР. Эффективность работы народного хозяйства Востока страны во многом определялась обеспеченностью его горюче-смазочными материалами.

Впервые вопрос развития нефтяной базы Поволжья ставился еще в 1920 г., когда был разработан проект нефтепровода Эмба-Саратов [5]. Строительство нефтепровода предполагало в дальнейшем строительство нефтеперерабатывающего завода.

Но при подготовке материалов к пятилетнему плану в области переработки нефти ОСНХ была составлена краткая записка,

обосновывающая целесообразность направления нефтепровода уже не на Саратов, а на Самару [5].

Вопрос об открытии и промышленном развитии новых нефтяных районов в центре и на востоке страны являлся в 1930-е годы крупнейшей народно-хозяйственной проблемой. От решения этого вопроса зависело наращивание оборонной мощи страны и укрепление позиций СССР на международной арене.

Одной из важных причин широкого развертывания поисков нефти на востоке страны стала настоятельная необходимость изменения геополитических факторов, связанных с монопольным положением кавказских нефтяных месторождений и предприятий нефтеперерабатывающего комплекса в структуре нефтяной промышленности СССР.

В Постановлении ЦК ВКП (б) «О положении нефтяной промышленности», принятом 15 ноября 1930 года, подчеркивалась необходимость расширения географии разведочных работ, особенно в восточных районах [3; 11; 15].

В 1932 г. была получена нефть в Башкирии на Ишимбаевском промысле.

В 1931—1932 гг. были заложены разведочные скважины на Самарской луке около Сызрани и в Яблоневом Овраге, и в 1934 г. эти скважины дали нефть. В 1935 г. было открыто Краснокамское месторождение в Пермском крае близ г. Краснокамска, в 1936 г. месторождение Туймазинское в Башкирии, в 1937 г. Сызранское, Ставропольское и Бугурусланское, которое относилось к Волго-Уральскому району и в 1938 г. Ново-Степановское в 10 км западнее г. Бугуруслана (Татария). Кроме того, было намечено несколько десятков перспективных и промышленных участков.

За 10 лет со времени получения первой нефти в Чусовских Городках добыча нефти в районах «Второго Баку» (Волго-Уральский нефтяной район) быстро прогрессировала.

В таблице 2 приведены сравнительные данные по добыче нефти Башкирии от общей добычи в Урало-Поволжье.

Таблица 2.

Добыча нефти в районах «Второго Баку» в период 1929—1938 гг.

Годы	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Общая добыча нефти в Урало-Поволжье, тыс. т	10,6	34,9	71,1	413,4	976,4	1002,7	1302,0
Добыча нефти в Башкирии, тыс. т	4,6	20,5	62,5	405,8	967,6	961,8	1167,4
% к общей добыче нефти	42,6	42,2	88,3	98,1	99,1	95,9	89,6

Не менее быстро увеличивался и удельный вес добычи по месторождениям «Второго Баку» от общей добычи СССР. Если в 1937 г. добыча по районам «Второго Баку» составляла только 6,6 %, то уже в конце III пятилетки — в 1942 г. она составила 21,8 %.

Нефтедобывающая промышленность «Второго Баку» явилась мощной базой для создания отвечающей современным достижениям крупной нефтеперерабатывающей промышленности в Урало-Поволжье.

Рост добычи нефти в Урало-Волжском регионе приводит к необходимости ее переработки. В решениях XVII и XVIII съездов ВКП(б), особенное внимание уделялось форсированию работ по переработке нефтей вновь открытых на востоке страны месторождений и созданию нефтеперерабатывающей отрасли, преимущественно в Ишимбаевском и Уфимском районах [2].

В предвоенный период в Советском Союзе были возведены 14 нефтезаводов, из них пять — в Урало-Волжском регионе [12].

Развитие нефтяной и нефтеперерабатывающей отраслей в восточных районах в 1930-е годы являлось в планах страны приоритетным, особенно большое внимание уделялось строительству современных по тому времени установок термического крекинга.

Вопрос о месте строительства крекинг-установок в СССР в конце 1920-х годов также был предметом многочисленных обсуждений. В результате первые установки термокрекинга были установлены в Баку и Грозном, где было сосредоточено порядка 94—95 % основных нефтеперерабатывающих заводов Союза [16].

В условиях того времени размещение нефтеперерабатывающих предприятий в местах добычи являлось целесообразным и выгодным. Советская нефтепромышленность до 1930 года развивалась именно по этому пути [8], и, только начиная с 1929 г., наметились первые сдвиги в развитии заводского строительства в других районах.

В этот период начали строить нефтеперерабатывающие заводы в Туапсе и Батуми, причем Туапсинский НПЗ уже в конце 1929 года вступил в эксплуатацию. На этих заводах в 1931 г. планировалось переработать около 4 млн. тонн нефти, что составляло 17 % от всей переработки в Союзе [9].

В силу целого ряда экономических и политических причин, дальнейшее развитие нефтеперерабатывающей промышленности в Союзе предусматривало сосредоточение ее в местах потребления. Было запланировано строительство новых заводов в Армавире, Москве, Самаре, Сталинграде, Нижнем Новгороде, Хабаровске, Владивостоке и на Урале, причем часть этих заводов должна была быть введена в эксплуатацию еще в 1932—1933 гг.

В связи с этим доля участия Грозного и Баку в общей переработке нефти снижалась с 94 % в 1928-1929 гг. до 66 % в 1933 г.,

причем заводы в местах потребления (без Туапсе и Батуми) — в Ярославле, Саратове, Ухте в 1933 г. уже перерабатывали 20 % всей нефти, вместо 3,36 % в 1928—1929 г. (таблица 3) [8].

Таблица 3.

**Размещение нефтеперерабатывающих заводов в СССР
в годы первой пятилетки по сравнению с 1913 годом**

Годы	Доля в общей переработке нефти в СССР, (% мас.)				
	Баку	Грозный	Туапсе	Батуми	Ярославль, Саратов, Ухта и др.
1913	79,88	16,60	—	—	3,52
1927-1928	59,57	36,80	—	—	3,63
1928-1929	58,16	35,80	0,95	1,72	3,36
1931	43,95	34,84	7,37	9,51	4,33
1932	38,72	35,17	7,12	9,46	9,53
1933	34,54	31,34	6,12	8,13	19,87

Как видно из приведенной таблицы 3 переработка нефти в других районах Союза с каждым годом возрастала, но, тем не менее, в 1928—1930-х годах основными нефтеперерабатывающими центрами в СССР по-прежнему оставались Баку и Грозный, где было сконцентрировано большинство крекинг-установок, а также сосредоточено порядка 94—95 % основных нефтеперерабатывающих заводов Союза [10; 13; 17].

Вместе с тем в СССР рассматривался вопрос развития процесса крекинга и на Волге. В пользу Волжского района говорил и тот факт, что здесь было возможно концентрирование переработки и крекинга эмбенских нефтей [16]. Первым местом строительства установок крекинга в Поволжье в результате тщательного анализа был выбран Саратов.

В постановлении Союзнефти от 26 августа 1930 года были кратко отмечены экономические моменты, заставившие Союзнефть выбрать Саратов для строительства крекингов на Волге.

Основными из них были следующие [18]:

- благоприятное расположение Саратова по отношению к сырью и по отношению к пунктам потребления нефтепродуктов, начиная от места добычи сырой нефти и до места потребления готового нефтепродукта;
- сравнительная легкость освоения строительной площадки и небольшие затраты на всякого рода вспомогательные сооружения.

Вариант строительства крекинг-завода в Саратове был выбран в результате сравнения нескольких мест Волго-Каспийского района.

Более тщательному сравнению при выборе строительной площадки с точки зрения наиболее рационального разрешения транспортной проблемы были подвергнуты три узловых пункта на Волге: Сталинград, Саратов и Самара [6]. Последний, самарский вариант, отпал вследствие намечившегося варианта Каспийско-Орского нефтепровода со строительством нефтеперерабатывающего завода в Орске.

На XVI всесоюзной партийной конференции ВКП(б), состоявшейся в апреле 1929 г. был принят план развития Оренбуржья, который предусматривал строительство нефтеперегонного завода в Орске, первого и единственного в то время нефтеперерабатывающего завода на Урале.

Орский завод должен был принять на себя снабжение нефтепродуктами всей Сибири, поскольку она снабжалась нефтепродуктами со стороны Европейской части Союза [18].

«Орский завод будет снабжать нефтепродуктами Западную Сибирь, южную часть Уральской области, Восточно-Сибирский край и небольшую часть Средней Волги», — писали в центральной печати [4].

Отсюда возможность распространения продукции Самарского завода на Восток была очень ограничена.

По отношению к центральной области потребления нефтепродуктов Европейской части Союза Саратов и Сталинград были расположены более благоприятно. Однако, ввиду отсутствия в то время моста через Волгу у Сталинграда и линий железной дороги от Сталинграда в восточном и северо-восточном направлении, продукции сталинградского завода были совершенно закрыты пути на восток [18].

Саратов имел хорошо разветвленную железнодорожную сеть как на восток (снабжая нефтепродуктами Заволжье и часть Казахстана), так и на северо-запад в направлении Москвы и Пензы.

Своей продукцией завод должен был обеспечивать Нижне-волжский край, часть Казахстана, Центрально-Черноземную область, центрально-промышленный район, западный и Северо-Западный районы страны [1].

Развитие нефтяной промышленности в Башкирии начинается с мая 1932 г. — открытием первого мощного фонтана в Ишимбае [14].

Ишимбаевский нефтеперерабатывающий завод, построенный в 1936 году, положил начало развитию нефтепереработки республики. На заводе впервые в промышленных масштабах была освоена переработка сернистых нефтей «Второго Баку». Преодолевая большие трудности, технологи Ишимбая прокладывали дорогу к широкой переработке нового вида нефтяного сырья.

1 апреля 1935 года Совет Народных комиссаров Башкирской АССР принял Постановление № 392 о строительстве нефтеперегонного завода № 417 — «Крекинг-завода» в г. Уфе (ныне УНПЗ ордена Ленина) неподалеку от поселка «Черниковский», примерно в тридцати километрах севернее старой части Уфы [14].

Таким образом, крекинг-процесс явился тем процессом, который способствовал становлению и созданию мощной современной нефтеперерабатывающей промышленности в Урало-Поволжье.

Список литературы:

1. Аббасов М. М., Балабанова Т. А. История развития нефтепереработки в Саратовском крае. — Саратов: Приволжское кн. изд-во.: 2004. — С. 165.
2. Байбаков Н. К. Второе Баку — М., 1939. — С. 40.
3. Вестник СамГУ. 2006. — № 10/1 (50) — С. 101—109. О геополитических аспектах создания новой нефтяной базы на востоке СССР в 30-е — 50-е гг. XX столетия. Часть II.
4. Газета «Известия», июнь, 1932 г.
5. ГАСО. Ф.3. — 779. Д. 636. Л. 261.
6. ГАСО. Ф.3 — 779. Д. 636. Л. 261. Копия.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7511. Оп. 10. Д. 557. Л. 10.
8. Гурвич С. // Грозненский нефтяник. — 1931. — № 8—10. С. 56—59.
9. Иголкин А. А. Советский нефтяной экспорт в годы предвоенных пятилеток. // Нефтяное хозяйство. — 2006. — № 9. С. 139—141.
10. Иголкин А. А. Нефтяная промышленность в годы второй пятилетки: планы и реальность // Экономическая история. Обзорение. Под редакцией Бородинки Л. И. — М.: 2005. — № 10. — С. 145.
11. Курятников В. И. Создание нефтяной отрасли и развитие сельских районов Урало-Поволжья. // Ветераны. Воспоминания. Вып. 19. — М.: ЗАО Нефтяное хозяйство. — 2006. С. 40—45.
12. Курятников В. Н. Создание новой нефтяной базы на востоке страны: Геополитика, нефть, война // История науки и техники. — 2007. — № 5. С. 46—55.
13. Левшин В. П., Дембо Е. // Грозненский нефтяник. — 1931. — № 8—10. — С. 60—63.
14. Мансуров Т. В. Исторические аспекты создания нефтехимических предприятий и их инфраструктуры в Башкирском регионе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. Уфа. 2004. — С. 24.
15. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1920—1940 гг.). Т. 2. — М., 1967. — С. 247.
16. Саханов А. Н. Перспектива крекинга и гидрогенизации. // Труды конференции по крекингу и гидрогенизации. — Грозный.: Гос. научно-технич. изд-во. — 1931. — С. 117.
17. Саханов А. Н. // Грозненский нефтяник. — 1931. — № 8—10. С. 64—72.
18. Фокеев Б. И., Краус Э. Д., Никитенко М. С. Техника крекинга системы Винклер-Кох. — Саратов.: Саратовское государственное изд-во. 1934. — 138 с.

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ,
ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

22 августа 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 25.08.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,875. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3